

30 октября 2019 № 149

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

СУД БЕЗ СОСТЯЗАНИЙ

1 апреля 2019 года приговор Оюбу Титиеву вступил в силу. Шалинский городской суд Чечни признал его виновным в хранении наркотиков и приговорил к четырем годам лишения свободы в колонии-поселении с зачетом уже отбытого срока.

Оюб Титиев решил не обжаловать приговор, вынесенный 18 марта. Отбыв треть срока, в середине мая 2019 года он получит формальное основание просить об условно-досрочном освобождении, что и планирует сделать. Адвокат Петр Заикин встречался с Оюбом в СИЗО Грозного и записал с его слов объяснение: «Находясь в следственном изоляторе, я видел людей, нуждающихся в правовой помощи, и понимаю, что обязан как можно быстрее вернуться к правозащитной деятельности. Именно в правозащитной деятельности я вижу смысл своей жизни».

После приговора множество людей высказали мнение об этом процессе. Правозащитный центр «Мемориал» memor.ru собрал высказывания на сайте, приводим некоторые из них.

Ян Рачинский, председатель правления «Международного Мемориала»: «Судя по тому, что рассказывают коллеги, результат двойственный, — с одной стороны, действительно, самый активный правозащитник оказался в заключении. Но при этом произошло то, чего не было на протяжении многих последних лет, — односельчане, соседи Оюба Титиева, пришли в суд свидетельствовать в его пользу. По существу, выступили, так или иначе, против процесса, организованного властями. Может быть, это в какой-то степени возрождение гражданского общества в Чечне».

Елена Милашина, журналистка: «Четыре года, которые фигурируют в приговоре и которые с точки зрения контекста этого дела и, главное, возраста и здоровья самого подсудимого, выглядят устрашающе, на самом деле ничего не значат. Приговором Шалинского суда Оюб, по сути, освобожден от наказания. Вот его главный смысл».

Евгений Ройзман, политик, экс-мэр Екатеринбурга: «На Кавказе это очень серьезно, если человека объявили наркоманом на официальном уровне. Но слава богу, что этому никто не поверил, потому что все было слишком очевидно. Все понимают, что 4 года колонии-поселения — это практически оправдание».

Александр Рыклин, главный редактор «Ежедневного журнала»: «Надо думать, руководство Чечни полагает, что пошло навстречу гражданскому обществу, проявив терпимость и великодушие к человеку, чью профессиональную деятельность на территории республики — охрану прав человека — сам Рамзан Кадыров приравнял к экстремизму и терроризму. Возможно, Рамзан Кадыров хотел предстать перед подведомственным населением в образе великодушного отца нации, но, скорее всего, свою роль сыграло беспрецедентное давление, которому подвергалось политическое руководство Чечни на протяжении всего предваритель-

Окончание на с. 8

29–30 марта 2019 года в помещении «Международного Мемориала» прошли первые Чтения, посвященные памяти председателя правления «Международного Мемориала» Арсения Рогинского (1946–2017 годы). Темой Чтения стала история диссидентов в СССР, Восточной и Центральной Европе, их эпоха и их наследие.

Ян Рачинский, председатель правления «Международного Мемориала», открывая Чтения, подчеркнул, что, хотя круг интересов

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АРСЕНИЯ РОГИНСКОГО

Арсения Рогинского был гораздо шире, чем история диссидентского движения, эта тема всегда была среди занимавших его тем. «Эта конференция — продолжение проекта, задуманного еще при жизни Арсения Рогинского, в рамках которого будет проведено несколько мероприятий с целью привлечь внимание общества к этой теме. Важнейшее из них — издание на русском языке «Словаря диссидентов», который уже издан в Польше, но не существует на русском языке», — отметил Рачинский.

Президент польского Центра КАРТА Збигнев Глюза, отметив, что Центр и «Мемориал» являются партнерами последние 27 лет, подчеркнул, что Чтения «являются одной из составных частей завещания Арсения Рогинского». Он также отметил, что издание русской версии «Словаря диссидентов» будет вы-

полнением его обязательств и перед Рогинским, и перед редактором «Хроники текущих событий» Натальей Горбаневской, которая должна была стать редактором этого издания: «Она считала это своим долгом, но не успела это осуществить».

Глюза рассказал, что идея создания словаря возникла в Варшаве 23 года назад, когда собрались представители 14 посткоммунистических стран, чтобы ответить на вопрос — может ли диссидентское сообщество что-либо сделать вместе. «Мы полагаем, что словарь выйдет через три года. Польская версия вышла через 11 лет, русская появится через 23 года. Можно сказать, что польская версия была черновиком — предварительной версией, с которой будут

Окончание на с. 4

СБОР СРЕДСТВ НА ИЗДАНИЕ КНИГИ ПАМЯТИ «МЕДНОЕ»

Работа над макетом Книги памяти «Медное» близится к завершению, поэтому «Международный Мемориал» начал сбор денег на типографские расходы.

Помочь проекту издания Книги памяти «Медное» можно через краудфандинговую платформу Планета: planeta.ru/campaigns/miednoje

Краудфандинг был запущен 5 марта, и к 11 июня «Мемориал» хочет собрать 1700 тысяч рублей. На середину апреля собрано более 750 тысяч рублей.

5 марта 1940 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об убийстве польских военнопленных, содержавшихся с осени 1939 года в трех

Окончание на с. 3

«МОГИЛЫ — НЕ МЕСТО ДЛЯ ВОЙНЫ»

Скандал в социальных сетях и Интернете разгорелся после открытия в конце октября 2018 года на бывшем расстрельном полигоне в Коммунарке Стены Памяти. На ней — перечень всех выявленных имен захороненных здесь людей, включая руководителей НКВД, также ставших жертвами Большого террора (наиболее заметной фигурой из них был первый глава НКВД Генрих Ягода).

Неоднозначная оценка памятника стала поводом для дискуссии «Что нам делать с Коммунаркой?» в архитектурной школе МАРШ в московском Центре дизайна Artplay. В ней участвовали историки, культурологи и общественные деятели. Основной вопрос встречи — о том, могут ли имена жертв и палачей соседствовать на Стене Памяти — спровоцировал серьезный спор участников.

Окончание на с. 8

Дорогие читатели! Если Вы все еще не получаете газету по электронной почте, то отправьте запрос на pdf-подписку: 30october@cknot.info

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала». С декабря 2015 года рассылается по отделениям «Мемориала» благодаря пожертвованиям Юрия Кочергина, председателя Хакасского «Мемориала», Геннадия Гончарова, председателя Новороссийского «Мемориала», и Светланы Колесниковой, председателя Хабаровского краевого движения «Мемориал».

Если у Вас нет компьютера, сообщите свой почтовый адрес, постараемся передавать с оказией.

Главный редактор Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

Прямая речь	
	с. 2
Библиотека самиздата и мастерская народных промыслов	с. 5
Цензура — дура	с. 6
Память — мост из прошлого в настоящее и будущее	с. 7
30 лет Хибинскому «Мемориалу»	с. 11

ВЛАСТИ ПРОДЛИЛИ ДЕЙСТВИЕ КОНЦЕПЦИИ

26 марта по поручению Президента России был продлен до 2024 года срок исполнения Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий.

Впервые Концепцию государственной политики об увековечении памяти жертв политических репрессий утвердили 18 августа 2015 года. Среди заявленных задач Концепции — развитие интеллектуального и духовного потенциала личности и создание условий для укрепления морального здоровья общества, в том числе путем формирования принципов деятельного патриотизма в партнерстве

Продолжение на с. 7

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

«30 октября» открыла новую рубрику для того, чтобы мемориальцы делились вопросами, на которые у них нет ответов, рассказами об успехах, которые могли бы пригодиться коллегам, ошибках, на которых надо учиться.

Героев этого номера мы попросили высказаться об установленном в Москве официальном памятнике жертвам репрессий — Стене скорби, вызывающей неоднозначное отношение.

Мы будем рады отклику и рассказам из всех регионов и от всех организаций, независимо от числа членов или времени существования.

ВЛАДИМИР СЕМЕНОВ, Самара

Работа «Мемориала» в Самаре в историческом аспекте в последние годы затихла. Объясняется это в первую очередь почтенным возрастом большинства участников «Мемориала».

Самарскому «Мемориалу» в 2018 году исполнилось 30 лет. Все эти годы мы работали исключительно на энтузиазме, никаких денежных вливаний не было. Теперь общественникам перестало хватать запала.

Того взгляда на репрессии, что был в обществе 20–30 лет назад, уже нет, и деятельность «Мемориала» стала рутинной и никем особенно не поддерживаемой.

К сожалению, мы не участвуем в каких-то мероприятиях, которые могли бы привлечь молодых людей к работе.

Говорю, как есть, без стремления что-то приукрасить.

В свое время были собраны и опубликованы воспоминания жертв политических репрессий. Самое главное, что на тот момент, когда у государства не было регулярной правовой и материально-технической базы, «Мемориал» подставил свое плечо жертвам политических репрессий и их наследникам. Самарская область стала одной из первых, где были изданы законы о реабилитации, во многом повлиявшие на общероссийские законы.

Работа «Мемориала» в Самаре в настоящее время в основном сводится к консультациям по правовым вопросам, причем не только связанным с нашей тематикой — процесс реабилитации репрессированных, получение компенсаций и прочее, — но мы также предоставляем бесплатную юридическую помощь и по другим проблемам.

Мной лично издана работа «Злоупотребление правом, или Улыбка чеширского кота», она в меньшей степени касается исторической работы «Мемориала», а больше затрагивает общие правовые темы.

Эпизодически в последние годы к нам обращались родственники репрессированных. Многим удалось помочь. Однако пик таких обращений уже прошел.

Сейчас государством приняты нормативные акты и учреждены структуры для работы по реабилитации, и она худо-бедно идет своим чередом. Хотя, конечно, это вносит элемент бюрократизации, взаимодействие с государством всегда проходило не без накладок.

Например, в Самаре, в детском парке на месте бывшей дачи НКВД, был установлен еще в 1990-е годы памятный знак жертвам политических репрессий. 7

лет назад этот знак убрали, а на его месте администрация поставила новый мемориальный комплекс, невзирая на то, что памятный знак, установленный на добровольные пожертвования горожан, уже стал символом истории.

Власти делают что-то полезное, однако если кто-то начинает «возникать» со своим особым мнением, это ими игнорируется. К сожалению или к счастью, но мы этому не сопротивляемся.

В целом я отношусь положительно к тому, что в Москве открыт новый памятник — Стена скорби, и к тому, что власть принимала участие в этом. Если мы в свое время критиковали самарские власти, то не за создание нового мемориала, а за то, что убрали старый. В Москве же ситуация другая. Можно сказать, что такими действиями власть хотя бы отчасти оправдывается за политические репрессии. При этом, хочет она таким образом рекламировать себя или нет, по факту, если дела хорошие, они идут власти в плюс.

Не нужно в оценке действий власти перегибать палку, «докапываться». А то получается, если власть принимает участие в каком-нибудь благом деле, это самореклама. А не участвует — тоже плохо. Как же тогда власти действовать? Создать памятник и заявить, что не причастна к этому?

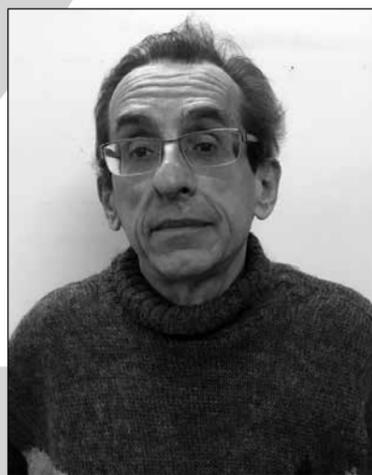
ИГОРЬ КОМАРОВСКИЙ,
Одесса, Украина

К сожалению, 30 ноября 2018 года умерла создатель и руководитель Одесского музея истории политических репрессий 1917–1991 годов Алла Борисовна Тонская. Это большая потеря для нас.

В прежние годы в стенах музея часто происходили исторические мероприятия. Однако из-за болезни Аллы Борисовны, за которой и мне пришлось ухаживать, активность работы в музее была низкой.

Между тем в Украине сейчас начинается новый этап реабилитации жертв политических репрессий советского периода.

По новому украинскому законодательству определенные государственные делегируют своих представителей для работы в комиссиях по реабилитации. Наряду с ними общественные и научно-исследовательские организации также выдвигают своих кандидатов в эти комиссии, но уже на конкурсной основе. Наша организация намеревается участвовать в этом конкурсе. Ранее были весьма строгие правила, не позволявшие реабилитировать людей по инициативе общественников.

Хотя новый закон о реабилитации был принят еще в мае 2018 года, комиссии пока еще не приступили к работе. Все затнулось из-за того, что порядок формирования комиссий приняли только в ноябре. Теперь идет конкурс отбора представителей в комиссии региональные и национальную в Киеве.

У нас есть немало людей, которых мы предложим для реабилитации и которые по старым правилам не могли быть реабилитированы.

Недавно к нам обратился человек, родственники которого были репрессированы на территории нынешней РФ. Соответствующие государственные органы в России ответили ему, что он не может подавать на реабилитацию, так как не является гражданином РФ. Поэтому мы обратились в правление «Международного Мемориала» в Москве за содействием. Человек может реабилитировать родственников в Украине, но хочет, чтобы реабилитацию осуществили также и в России. Пока ждем результатов.

В целом в Украине имеется поддержка властей в вопросах реабилитации жертв политических репрессий, и есть люди, заинтересованные в реабилитации своих родственников.

Новых монументов жертвам репрессий не открывают. Есть уже давние мемориалы в Киеве, где 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, проводятся мероприятия, в которых, конечно, участвуют и официальные представители власти.

ГАЛИНА ШКОЛЬНИК,
Санкт-Петербург

20 апреля в Научно-информационном центре на улице Рубинштейна прошли чтения, посвященные памяти выдающегося правозащитника, историка, публициста — Вениамина Викторовича Иофе. Мы посетили кладбище, где он похоронен. Затем состоялся вечер памяти. Позже начались Чтения его памяти «Право на имя». Эти мероприятия мы проводим уже в 13-й раз после смерти Вениамина Викторовича в 2002 году. Всегда ожидаем много людей, много выступлений.

Конечно, мучительной для нас была история с расторжением договора аренды нашего помещения на Разъезжей улице. Мы держались и духом не падали. Сейчас понимаем, сколько сил на это ушло. Мы наконец получили новый договор, но он существенно отличается от предыдущего. Вместе с юристами мы уже почти месяц внимательно изучаем его. В конце апреля должны встретиться с властями, чтобы получить ответы на не очень понятные вопросы по договору. Надеюсь, что тогда удастся окончательно согласовать и подписать договор. В принципе, в новом варианте договора сказано, что до его подписания «Мемориал» арендует помещение по старому договору. Это как-то успокаивает и позволяет пока жить. (По новому договору цена оплачиваемой аренды выросла в 3 раза. — Примеч. «30 октября»).

В целом очень двойственные чувства вызывает памятник Стена скорби, который я видела прошлой осенью. Хорошо, что открыт еще один памятный знак жертвам политических репрессий. Но, мне кажется, он должен был примирить всех со всеми, а тема примирения пока преждевременна, особенно учитывая то, что на фоне открытия этого памятника происходит давление на «Мемориал». Не могу сказать также, что получила какое-то эстетическое удовлетворение от Стены скорби.

А главное — убогое, плачевное положение тех, кто пережил тра-

гедию массовых политических репрессий. Эта тема вообще давно вне рассмотрения. Моральный ущерб, который был нанесен, уже оказался вроде бы не актуальным. Очень жаль, что люди уходят, не получив хотя бы извинения со стороны государства. Никто ведь не признал, что было совершено гигантское преступление.

ВАСИЛИЙ ХАНЕВИЧ, Томск

2 марта состоялось ежегодное отчетно-выборное собрание Томского «Мемориала». Обсуждалось в основном то, что мы уже год как являемся отделением «Российского Мемориала», утратив статус юридического лица. Сошлись на том, что никакой особой разницы нет. Единственное, что статус юридического лица позволял самим подавать заявки на гранты. Другая проблема, общая для всех мемориальных организаций, — привлечение молодежи.

Говоря о нынешнем положении Томского «Мемориала», хочу обратить внимание, что он фактически возник вокруг создававшегося Музея политических репрессий. Сейчас «Мемориал» не представляет себя без музея, и вся работа строится вокруг него. Мы можем спокойно проводить наши мероприятия, поскольку он является государственным учреждением — филиалом областного краеведческого музея, но без поддержки «Мемориала» и общественных организаций музей не мог бы существовать. Я возглавляю музей и одновременно являюсь руководителем Томского «Мемориала». Власть это вполне устраивает. Хотя со стороны наших противников раздаются жалобы на то, как это руководитель отделения организации, почти признанной иностранным агентом, возглавляет государственный музей. Но пока это остается их чисто риторическим замечанием.

К Стене скорби — официальному памятнику жертвам репрессий, воздвигнутому почти в центре Москвы, на углу проспекта Академика Сахарова, у меня двойное отношение. С одной стороны, это правильно, справедливо и хорошо, что установлен такой общенациональный памятник, тем более что открывал его президент нашей страны. Внешне памятник впечатляет и соответствует масшта-

бам репрессий (хотя его послание в мир довольно нейтральное: «помним», но не «осуждаем»), отличаясь в этом плане от Соловецкого камня на Лубянке. Камень, однако, стал уже «намоленным» местом, куда возлагают цветы и где проходит акция «Возвращение имен», а к новому мемориалу пока что не протоптана народная тропка. Не исключая, что это случится в будущем. Сейчас же меня тревожит, что появились сразу два места памяти и может быть определенный раскол — вот, мы будем здесь, а «эти» пусть будут там. Этого хотелось бы избежать.

Большой резонанс вызвал спор о «Стене Памяти» на полигоне «Коммунарка» — одном из мест массового расстрела в период Большого террора. Я поддерживаю позицию «Международного Мемориала» о необходимости такого памятника — и как член правления, и как человек. (Подробно о позиции «Мемориала» в материале «Могилы — не место для войны». — Примеч. «30 октября»). И на «Коммунарке», и на Бутовском полигоне, и в других таких же местах лежат как простые люди, так и энкавэдэшники (включая Ягоду, чья фамилия на «Стене Памяти» стала причиной для спора). Физически их отделить невозможно — они уже давно лежат вперемешку. А отделить в списках жертв от палачей — дело невозможное и неблагодарное. Хорошо, сотрудники НКВД сразу относятся к палачам. А секретари обкомов (которые все входили по должности в состав «троек»? А человек, написавший донос на соседа, а потом сам угодивший под расстрел? Многие были сразу и жертвами, и палачами. И сама «Стена памяти» — это не памятник, а информационный стенд, из которого можно узнать, чьи останки там лежат.

По-моему, лучшим решением этой проблемы может быть вариант, который на Бутовском полигоне активно продвигает Игорь Гарькавый, директор Мемориального научно-просветительского центра «Бутово», — создать информационный киоск, где можно было бы получить данные о биографии каждого из известных расстрелянных, с перечислением их заслуг и «заслуг».

ВЛАДИМИР РОМАНОВСКИЙ,
Минск, Белоруссия

В течение многих лет «Мемориал» не может образовать в Беларуси какую-нибудь постоянную структуру для своей деятельности, хотя бы как отделение «Международного Мемориала».

В Министерстве юстиции Беларуси нам в открытую заявляют, что нас не зарегистрируют.

Мы спросили, чем обосновывают в Министерстве нежелание регистрировать «Мемориал»? Ведь существует в белорусском законе «Об общественных организациях» статья 21, которая позволяет иностранным организациям иметь в стране дочерние структуры.

Нам заявили, что хотя закон и есть, но разрешить филиал иностранной организации не могут, потому что «нет практики применения статьи». И до сих пор такую «практику» не наработали, и ситуация с официальной регистрацией много лет остается прежней, несмотря на обращения в суд и даже в Верховный совет Беларуси. Не удалось также создать и локальные постоянно действующие структуры.

Вероятно, такое отношение к деятельности «Мемориала» продиктовано тем, что в Беларуси по сей день нет однозначного осуждения советских репрессий. Общество в оценке событий разобщено. И периодически возникающий конфликт вокруг Куропат — тому свидетелем.

Поэтому в основном деятельность происходит во временных обще-

ственных объединениях, которые сосредоточены главным образом вокруг защиты народного мемориала жертвам репрессий в Куропатах. Эта тема в условиях Беларуси как-то может быть озвучена.

Но, к сожалению, и внутри защитников Куропат нет единства. Потому что есть организация излишне национализированная, которая с трудом идет на контакт с «русскоговорящими» (русскоговорящими).

К тому же свою лепту в конфликт вокруг Куропат вносят и белорусские коммунисты. Компартия процветает, а ее лидер даже является министром образования. У них совершенно одиозное мнение о тех событиях.

В последний год в Куропатах произошло знаменательное событие. Около года назад президент Лукашенко заявил, что нужно установить в урочище официальный памятник жертвам репрессий. Правда, он оговорился, сказав, что надо еще разобраться, «кто кого там расстрелял». Был объявлен конкурс на лучший памятник, хотя довольно культурно. Даже мы были не в курсе его проведения. Но в конце концов в ноябре 2018 года проект был готов и памятник установлен на самом видном месте в Куропатах. Он представляет собой «безызыкий» колокол на 4 столбах.

Сам памятник неплох, авторы — молодые скульпторы, но возникли претензии к его обезличенности. На нем первоначально не было никаких надписей или отметок. Нашими усилиями, в том числе по инициативе известного историка политических репрессий Игоря Кузнецова, была сделана надпись: «В память репрессированных».

Но вместе с установкой утвержденного государством памятника начали сносить кресты (побелорусски — кресты), которые в большом количестве уже более 25 лет устанавливали люди в Куропатах в память жертв репрессий.

В еще большей степени активный снос крестов спровоцировало недавнее заявление Лукашенко, что, мол, масса белых крестов выглядят некрасиво, кто разрешил, церковь разве была «за» и тому подобное. В середине марта фактически было нападение на кресты. Сначала по периметру захоро-

нений спилили 70 крестов, а несколько дней назад — еще 60.

Эти акты вандализма вызвали возмущение общественности. Была реакция из-за границы. Высказались религиозные деятели. Например, глава Католической церкви Беларуси архиепископ Тадеуш Кондрусевич призвал срочно остановить снос крестов в Куропатах. И православная церковь тоже немного неодобрительно высказалась в лице Вахтанга Кипшидзе, замглавы синодального отдела по взаимоотношениям РПЦ с обществом и СМИ.

Я считаю, что при том характере власти, что есть и в России, и в Беларуси, ее участие в открытии памятников жертвам политических репрессий выглядит лицемерием. Ведь, как правило, установка таких памятников государством (и Стены скорби в Москве, наверное, в том числе) происходит без согласования с обществом, и такие действия можно расценивать как некую «кость», брошенную обществу.

Рустам ДЖАЛИЛОВ,
Семен ЧАРНЫЙ,
корреспонденты интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

Фото Владимира Семенова,
Игоря Комаровского, Галины Школьник,
Владимира Романовского —
из личных архивов.

Фото Василия Ханевича — Пресс-службы
«Международного Мемориала»

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ВЕНИАМИНА ИОФЕ

20–22 апреля 2019 года в Петербурге прошли ежегодные Чтения «Право на имя: Биографика XX века, посвященные памяти Вениамина Иофе». Чтения проводятся с 2003 года, с 2015 года их проводит Фонд Иофе.

В этом году в программу Чтений включены 28 докладов исследователей из России (Петербург, Москва, Екатеринбург, Красноярск, Бийск, Петрозаводск, Ростов-на-Дону), Финляндии, Италии и Молдовы.

В настоящее время историческая наука находится в полной растерянности перед тем, что принято называть биографией. Существует кризис подходов, методов, форм и способов изложения как в отношении реконструкции биографий, восстановления имен и судеб, так и в использовании биографического материала (автобиографий, послужных списков, мемуаров, интервью и прочего) в дальнейших исследованиях. Практически отсутствуют выработанные механизмы, способы и приемы сочетания разнородных факторов публичной и личной жизни. Задача Чтений — поиск путей изменения сложившейся ситуации, поддержка и развитие биографики как исторической научной дисциплины.

Чтения междисциплинарны, представляют все современное многообразие биографических исследований в истории, социологии, антропологии, психологии, политологии, литературоведении и иных дисциплинах и практиках, в различных подходах, способах описания и презентациях биографий.

Основные темы: автобиография, агиография, эго-документы, биографии биографов, источники, коллективная биография, теория биографики, нарративы, политическая биография, биографические словари, биография и миф, смерть в биографии и другие.

За прошедшие годы в Чтениях приняли участие более 400 специалистов в области истории и социологии, музейные и архивные работники. По результатам Чтений ежегодно выпускается сборник. На Чтениях-2019 состоялась презентация сборника докладов Чтений-2018.

В ближайшем номере 30 октября расскажет о Чтениях подробнее.

По материалам Фонда Иофе

На снимке: Вениамин Иофе, создатель НИЦ «Мемориал» и, позднее, Просветительского центра (Санкт-Петербург). В 2003 году, после смерти В.Иофе, Центр сменил название на «Фонд Иофе» — неформальное сообщество, с 2015 года ведущего публичную деятельность, которой ранее занимался Научно-информационный центр «Мемориал», Санкт-Петербург

Фото Евгения Уварова, 1997 г.

СБОР СРЕДСТВ НА ИЗДАНИЕ КНИГИ ПАМЯТИ «МЕДНОЕ»

➤ Окончание. Начало на с. 1

лагерях НКВД. Одним из них был Осташковский лагерь, 6295 расстрелянных поляков из которого захоронили в Медном. В то же самое время по тому же решению Политбюро ЦК ВКП(б) были расстреляны польские военнопленные из двух других лагерей НКВД — Козельского (4415 человек захоронены в Катинском лесу) и Старобельского лагеря (3800 человек захоронены в Харькове), а также более 7 тысяч заключенных тюрем Западной Украины и Западной Белоруссии.

Далеко не все расстрелянные — кадровые военные: среди них были полицейские и пограничники, а также врачи и адвокаты, учителя и журналисты, мобилизованные в польскую армию накануне вторжения вермахта в Польшу с запада 1 сентября 1939 года, а затем попавшие в советский плен, когда 17 сентября того же года Красная армия вторглась в Польшу с востока.

Расстрел польских военнопленных весной 1940 года получил название Катинского, потому что долгое время единственным известным местом массового захоронения поляков была Катень: во время оккупации Смоленской области нацисты провели публичную эксгумацию в Катинском лесу, обнаружив и предъявив неопровержимые доказательства преступления, совершенного органами НКВД за три года до этого.

Символом всех этих расстрелов стала Катень, оставшаяся до 1990 года единственным доподлинно известным местом захоронения польских военнопленных. В 2015 году была подготовлена и опубликована первая Книга памяти «Убиты в Катени». В книге объемом 932 страницы было опубликовано 4415 биографий жертв.

Нужно помнить, что речь идет о нескольких местах массового захоронения и об убийстве не менее чем 21 500 человек.

ЗАЧЕМ НУЖНЫ КНИГИ ПАМЯТИ?

Россия признала катинское злодеяние одним из тяжких престу-

плений сталинизма, но до сих пор не признала ни одного из расстрелянных, поименно значащихся в документах НКВД, жертвой этого преступления. То есть они остаются безымянными жертвами, как будто «пропавшими без вести».

«Мемориал» уверен, что необходимо опубликовать поименные Книги памяти жертв. Цель книг — отдать долг памяти каждому расстрелянному, павшему жертвой преступления, совершенного Советским Союзом.

Для составления поименных биографий жертв Александром Гурьяновым и Польской программой общества «Мемориал» привлечены российские, польские и немецкие источники, в том числе никогда ранее не публиковавшиеся.

По тысячам архивных документов НКВД и открытым данным они много лет восстанавливали биографии военнопленных, захороненных в Медном, и доказали факты их содержания в Осташковском лагере, расстрела в Калининской тюрьме и захоронения в Медном. Эти люди не пропали без вести — каждый из них был убит.

ЧТО ЕЩЕ НУЖНО СДЕЛАТЬ?

В настоящий момент закончена восьмилетняя работа над второй Книгой памяти «Медное». В ней 1310 сверстанных страниц биографий жертв (6295 расстрелянных, 45 умерших, вступительная статья и справочный аппарат) и 602 страницы впервые публикуемых документов, то есть планируется издание размером около 1912 страниц — это будет, скорее всего, два или три объемных тома в твердом переплете.

В книге впервые на русском языке будут опубликованы биографические справки о польских узниках, содержащихся с осени 1939 года в Осташковском лагере НКВД для военнопленных (в зданиях монастыря Нилова Пустынь на острове Столбный на озере Селигер),

расстрелянных в апреле-мае 1940 года в областном управлении НКВД в Калинин (ныне Тверь) и захороненных вблизи села Медное, в 30 километрах от Калинина. Более 2700 из 6295 биографических справок о расстрелянных польских военнопленных снабжены их доверенными фотографиями, предоставленными польскими архивами, исследователями и родственниками.

Впервые будут опубликованы документальные материалы эксгумаций, проведенных в 1991 году советской Главной военной прокуратурой, а в 1995 году — польскими специалистами, в результате вблизи Медного были обнаружены и исследованы массовые захоронения расстрелянных польских военнопленных и установлено время их расстрела в 1940 году.

Существенно, что в книге впервые на русском языке будут опубликованы показания Дмитрия Токарева, бывшего в 1938–1943 годах начальником Управления НКВД СССР по Калининской области, которое под руководством командированных из Москвы чекистов проводило расстрелы польских военнопленных¹.

Мемориальный комплекс «Медное» находится в 32 километрах от Твери, в 2 километрах западнее села Медное, недалеко от автомагистрали Москва–Санкт-Петербург.

По материалам
«Международного Мемориала»

1. Токарев в 1991 году сообщил следствию советской Главной военной прокуратуры важные сведения об операции по расстрелу польских военнопленных из Осташковского лагеря, в частности он указал и район места захоронения расстрелянных вблизи Медного.

На снимке: Одно из найденных при раскопке захоронений в Медном писем, позволившие установить имена расстрелянных. На конверте четко видны адрес, фамилия, имя и отчество военнопленного получателя: Калининская область, г. Осташков Сова Ян Блажевич. Почтовый ящик № 37 был официально присвоен Осташковскому лагерю.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ
АРСЕНИЯ РОГИНСКОГО

➤ Окончание. Начало на с. 1

делаться переводы на другие языки. Русская версия станет идеальной версией для всех остальных», — сказал он, подчеркнув, что имя Арсения Рогинского будет увековечено в варшавском Саду праведников. Сейчас в нем из 18 увековеченных там фамилий три относятся к СССР или России — генерал-диссидента Петра Григоренко, Натальи Горбаневской и журналистки Анны Политковской.

Профессор Бременского университета Вольфганг Айхведе в своем вступительном слове рассказал о том, как познакомился с Рогинским в 1977 году, а в 1981-м, после его ареста, писал протестные письма вместе с другими немецкими историками. «Когда он выступал — все слушали, но он и сам слушал всех. Арсений Рогинский был наследником Просвещения XVIII века». Говоря о диссидентах Айхведе отметил: «Никто так не боролся за ценности Просвещения, как они. Они не просто боролись, они жили этими ценностями. Они не создавали империй, но боролись с помощью слова. Однако, поскольку Советский Союз жил по лжи, эти люди, диссиденты, жили изолированно внутри общества. Они были «чужими». С другой стороны, многие обычные люди боялись Сахарова как морального авторитета, беспокоившего их плохую совесть». Он назвал самиздат «попыткой институционализации независимой печати вне цензуры».

После торжественной части начались собственно Чтения. Приведем выдержки из некоторых докладов, запомнившиеся корреспонденту «30 октября».

Первой темой конференции стало диссидентское движение в различных странах. Директор Центра исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы Бируте Бураускайте рассказывала об антисоветском сопротивлении, подчеркивая, что литовская интеллигенция, начиная с 1950-х годов, предпочла путь пассивного сопротивления, сохраняя религию и народные традиции, стимулируя народное самосознание через краеведение. Она также отметила значительную роль в развитии сопротивления движения в защиту Литовской католической церкви. Поэт, переводчик и литературовед Томас Венцлова рассказал о том, что диссиденты в Литве делились на интродукторных и экстраструктурных. Первые представляли собой людей, которые участвовали в работе советских органов власти, но параллельно проводили полезную работу, направленную на сохранение литовской идентичности. «Черное и белое у них было перемешано, но все знали, какая часть больше. Можно было писать о Ленине, но одновременно и

что-то патриотическое», — отметил Венцлова. Экстраструктурные же уже занимались реальной антисоветской деятельностью и принципиально не участвовали в советской жизни. В конце советского периода именно эти люди создали Лигу свободы Литвы, выступившую с наиболее «экстремистскими» требованиями. «Когда стало ясно, что за это не сажают, туда же подтянулись и интродукторные диссиденты, был создан «Саюдис», и Литва получила независимость», — заключил Томас Венцлова.

Самой молодой подпункт чехословацкой «Хартии-77» Петр Поспихал рассказал о «Хартии», возникшей в период, как он выразился, «абсолютного безвременья» после подавления Пражской весны, и ее роли в подготовке общества к «бархатной революции» 1989 года. По его словам, популярности «Хартии» способствовала политика властей, которые вместо того, чтобы замолчать ее, провели по всей стране серию собраний по ее осуждению, вызвав у значительной части общества интерес к этому документу.

Несколько докладов было посвящено общностям, с которыми соприкасались или могли соприкасаться диссиденты. Старший научный сотрудник Центра истории религии и церкви Института всеобщей истории РАН Надежда Белякова рассказала об отношениях между диссидентами и так называемыми «религиозниками», которые тоже вызвали серьезные опасения у советского режима. Как отметила Белякова, с середины 1970-х годов в умах советских чиновников существовала химера угрозы объединения усилий диссидентов и «религиозников». Причем сами эти религиозные движения имели мало общего с представлениями диссидентов о свободе — это были «авторитарные организации, с довольно жесткими формами дисциплинирования верующих». Подобная двойственность, по ее словам, вызывала споры среди

диссидентов. Белякова подчеркнула, что до 1960-х годов борьба с религией в основном не расценивалась международным сообществом как нарушение прав человека и ее переоценка на Западе была большим успехом «религиозников», ставших серьезными акторами холодной войны.

Доклад научного сотрудника Центра изучения Восточной Европы Бременского университета Николая Митрохина был посвящен возникновению в позднем СССР монархического движения. Он отметил, что хотя единого движения не было, но существование различных промонархических групп с культом «Белой гвардии» поддерживали три среды: РПЦ, куда Патриарх Алексий I привлек большое количество иоанитов (поклонников Иоанна Кронштадтского), московские кинематографисты, среди которых было много выходцев из так называемых «бывших», и антисоветски настроенная молодежь. При этом популярность монархической идеи была использована базировавшимися в Ленинграде нелегальными производителями музыки, из чьей «мастерской» вышел ряд «белогвардейских романсов», включая знаменитого «Поручика Голицына».

Несколько докладов было посвящено возможностям легальной защиты тех, кого стремилась осудить власть. Доцент кафедры истории русской литературы новейшего времени Института филологии и истории РГГУ Ольга Розенблюм рассматривала проблему «открытых писем» 1960-х годов. Отметив, что к началу 1960-х этот жанр был серьезно дискредитирован псевдописьмами, создававшимися по заказу властей, Розенблюм подчеркивает, что в эти годы происходит реабилитация жанра. «Письма создают альтернативную публицистику как важное общественное явление. Сами письма давали возможность индивидууму выступить отдельно от некоего расплывчатого общества», — отметила она. Главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин в своем докладе рассказал о том, как в 1950–1960-х годах постепенно сдвигалась граница дозволенного при простегах. «Во время травли Пастернака оказалось, что от этого можно уклониться... Во время дела Бродского уже можно было писать об этом властям, но нельзя публиковать за границей», — подчеркнул Чупринин. Он отметил, что позже, начиная с дела Синявского и Даниэля, письма в их защиту подписывают уже сотни человек, но здесь возникает уже другой вопрос — готовы ли они платить цену (часто довольно высокую) за свою подпись.

Отдельной темой стали контакты диссидентов со странами Запада. Журналистка радиостанции «Эхо Москвы» Нателла Болтынская рассказала о «бодании» президентской администрации и Конгресса США по поводу давления на СССР за нарушение прав человека. Профессор университета Ренн-2 (Франция) Сесиль Весье рассказала об эволюции Жана-Поля Стартр, крупнейшего западного интеллектуала послевоенной эпохи, — от нежелания знать, что реально происходит в СССР, до писем в поддержку Бродского, Синявского и Даниэля и протеста

против ссылки Сахарова в Горький. Журналист и правозащитник, а также диссидент советского периода Александр Подрабинек рассказал о том, что представляли собой диссиденты на Кубе в конце 1990-х годов.

Кроме того, заведующий библиотекой «Мемориала», исполнительный директор НИПЦ «Мемориал» Борис Беленкин рассказал о том, как совместно с заведующей Центром социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки Еленой Струковой создавался альманах «Acta samizdatica», ставший площадкой для дискуссий о самиздате. Как отметил Беленкин, создатели альманаха решили не ограничиваться им, и теперь действует постоянный семинар, посвященный самиздату. Сама Струкова рассказала о действовавшей в Одессе в 1970-х библиотеке самиздата, ее доклад «30 октября» публикует полностью на с. 5.

Выступление историка Дмитрия Зубарева было посвящено памяти Арсения Рогинского. Он рассказал, что, когда он работал совместно с Рогинским, его «не покидало ощущение, что я живу и работаю рядом с гением». «Рогинский имел все

данные для того, чтобы стать лучшим историком, занимающимся Россией XIX–XX веков, — огромное количество публикаций, замечательная подготовка у Ю.М.Лотмана, смелость гипотез. К его рукам буквально прилипали интересные документы. Но он не стал им. Этому «помешал» еще один его талант — талант организатора. И Рогинский стал известен как общественный деятель», — отметил Зубарев.

Последний блок докладов был посвящен связям между диссидентами и современной историей. Юридический директор правозащитного центра «Мемориал» Кирилл Коротеев рассказал о том, как ряд идей, обсуждавшихся диссидентами в 1970-е годы в связи с принятием последней советской Конституции, позже был воплощен в российской Конституции 1993 года, включая и положения, делающие ее крайне трудно изменяемым документом. Директор Харьковской правозащитной группы Евгений Захаров рассказал о том, как члены Украинской Хельсинкской группы, преобразованной в Украинский Хельсинкский союз, составили костяк лидеров первых украинских партий. «Хотя они не пришли к власти, но смогли существенно повлиять на умонастроения Украины и много сделали для сохранения культурных связей с украинской эмиграцией», — отметил он.

Доклады члена Совета НИПЦ «Мемориал», члена правления Московского «Мемориала» Алексея Макарова и координатора полевого правозащитного центра в Крыму Александры Крыленковой были посвящены понятию «политический заключенный» в советский период и в современной России.

Завершением Чтений стал «круглый стол», посвященный вопросу востребованности диссидентского опыта в современной России. Ведущий «круглого стола» директор Сахаровского центра Сергей Лукашевский заметил, что слышал

различные точки зрения по этому поводу и полагает, что прямое заимствование опыта вряд ли возможно, поскольку у диссидентов был глубочайший нравственный императив, а у нынешних «сопротивленцев» с этим сложно.

Выступавшие разделились на две группы — полагавших, что прямое заимствование актуально, и тех, кто считал, что это невозможно. Правозащитница Зоя Светова полагает, что широким слоям общества достаточно мало известно о диссидентском опыте.

Нателла Болтынская считает, что «нам нужен миф, которого у нас нет».

Издатель альманаха Moloko plus Павел Никулин подчеркнул, что сейчас существует образ диссидентов как несерьезных людей, оторванных от реальности.

Резко выступил Александр Подрабинек, заметивший, что сейчас «правозащитные организации встроились в систему власти, а не противостоят ей, а оппозиция толпится в приемной Путина».

С другой стороны, Крыленкова отметила, что интерес есть, подобно тому, как в 2017 году очень активно обсуждался революционный опыт 1917 года.

О том что диссидентский опыт вызывает интерес, заявил и сотрудник сайта «ОВД-инфо» Григорий Дурново, он подчеркнул, что рассказывающая о диссидентах рубрика «Истоки» пользуется у посетителей сайта большой популярностью.

Историк Константин Морозов подчеркнул, что диссиденты — это один из этапов мощного движения, начатого народниками и продолженного социалистическим сопротивлением, которое было насильственно прервано советским режимом. «Когда 15 лет назад мы с Арсением Рогинским и Яном Рачинским создавали сайт, посвященный социалистическому сопротивлению, мы так это и рассматривали», — заметил он.

В конце дискуссии Сергей Лукашевский отметил, что правозащитное движение может возникнуть на основе архетипов и мифов.

Выступившая на закрытии Чтений исполнительный директор «Международного Мемориала» Елена Жемкова выразила благодарность как собравшимся, так и тем, кто готовил Чтения. Она сказала: «Чтения получились, и отлично получились, потому что это были Чтения не об Арсении, но о темах, которые его волновали. Обязательно будут вторые Чтения. «Мемориал» будет над этим работать».

Организаторами Чтений выступили «Международный Мемориал» совместно с Центром КАРТА (Варшава) при поддержке Посольства Франции в России и Фонда Белля.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: Слушатели и Габриэль Суперфин, Александр Подрабинек, Нателла Болтынская, Сергей Лукашевский.

Фото Василия Петрова

БИБЛИОТЕКА САМИЗДАТА И МАСТЕРСКАЯ НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ

Изучая историю библиотеки самиздата в Одессе, одного из самых крупных и самых приметных собраний из существовавших в 1970-е годы в СССР, я обратила внимание на то, что Вячеслав Игрунов и другие участники событий часто упоминают «Мастерскую народных промыслов». Доходы от мастерской были хорошим финансовым подспорьем для существования библиотеки на первом этапе.

Однако как и откуда она появилась, каков был механизм работы, понять было сложно. Нить исследования привела к самому началу мастерской и к фигуре Авраама Шифрина.

Итак, в 1966 году в Одессу приезжает Авраам Шифрин. В отличие от главных героев истории библиотеки самиздата — Вячеслава Игрунова и его друзей¹, к этому времени он уже не молод. В прошлом остались штрафбат Великой Отечественной, работа следователем, обвинение в шпионаже и смертный приговор, замененный впоследствии на сталинские лагеря и последующую ссылку. Впереди ждал выезд в Израиль, что и происходит летом 1970 года.

Авраам Шифрин — личность уникальная. Убежденный сионист, первый переводчик на русский язык романа Леона Юриса «Экзодус»², который он делал тайно, отбывая срок в Дубравлаге. Фантастическая история передачи текста на волю, переписанного «тридцатью почерками», описана в автобиографическом романе Авраама Шифрина «Четвертое измерение»³.

Шифрин не вписывался ни в один стереотип: сиониста, диссидента, антисоветчика. В его самобытной философской системе нашлось место йоге, астрологии, хиромантии, ясновидению.

Приезд Шифрина в Одессу — тоже сюжет для авантюрного романа. Он блестяще описал все в упомянутой автобиографической повести.

Отправная точка — Днепрпетровск, куда Авраам Шифрин переезжает (фактически бежит) из казахстанской ссылки. Здесь за ним идет слежка буквально по пятам. И Авраам Шифрин предпринимает отчаянный шаг: «Оценив обстановку и посоветовавшись с друзьями, я решил переехать в Одессу... Но помня, как четко работает мое сопровождение КГБ, и понимая, что с этим «хвостом» я в Одессе не смогу получить разрешения милиции на прописку, на право жить в городе у границы, я принял необходимые меры. На работу я всем сказал, что еду жить в Ригу, отправил туда багаж, а сам вышел «погулять» в парк, уехал в соседний город, а оттуда улетел без «хвоста» в Одессу. Там я пошел к друзьям и посоветовался о возможности устроиться».

Четыре неполных года Авраам Шифрин прожил в Одессе. И за это время в городе произошли некоторые события, без которых исто-

рия одесской библиотеки самиздата могла сложиться по-другому.

Цитируем «Четвертое измерение»: «...Начав жить в Одессе, я сразу же внутренне привязался к этому городу. Есть в нем что-то одновременно уютное и не провинциальное. И в одесситах есть какая-то симпатичность южан, скрашивающая даже их отрицательные стороны... Город оказался переполненным еврейской молодежью: не так просто выгнать одессита из Одессы, даже не давая ему учиться в университете и всячески мешая его продвижению по работе».

Авраам Шифрин устраивается на работу. По специальности юристом он работать не хочет, так как ждет разрешения на выезд. Поэтому он предлагает свои услуги в качестве столяра-краснодеревщика в тресте, выпускающем сувениры. Его принимают на работу и предлагают организовать мастерскую деревянных сувениров.

Авраам Шифрин умело налаживает не только перспективное производство, но и скрытую финансовую схему, при которой у него остается достаточно значительная сумма. Часть денег отправляет в Москву, на нужды сионистов, а часть оставляет себе, на производство самиздата. Что здесь важно. Шифрин, конечно, использует незаконные финансовые схемы, но он осторожен. При этом осторожность не мешает ему организовывать семинары по иврито для молодежи в заливе Каролино-Бугаз, вербовать в качестве агента «Сохнута» редактора областного одесского телевидения Юзефа Эрлиха и так далее.

«Одним из первых наших дел — помимо дальнейшего печатания «Экзодуса», — было распространение книг Владимира Жаботинского. Ведь он был одесситом, ходил по этим улицам, жил в шумных домах с проходными дворами, купался в этом же море. Но не поэтому был нам близок и дорог Жаботинский: его мысли и труды не старели!»

Одесскую молодежь Авраам Шифрин знакомил также и с эзотерической литературой, и с антисоветскими произведениями. Вряд ли Авраам Шифрин ставил своей целью создание библиотеки самиздата как целостной коллек-

ции. Но мастерская стала не только местом работы, но и местом обмена самиздатом.

Среди одесской молодежи, посещавшей или работавшей в мастерской, были Анатолий Альтман (в 1970 году осужденный по самолетному делу), поэт Исая Авербух и его брат Игорь, учитель русского языка и литературы Исидор Гольденберг, познакомивший впоследствии Вячеслава Игрунова с Авраамом Шифриным.

В августе 1970 года Авраам Шифрин навсегда покидает СССР, оставив в Одессе нехитрую схему утечки финансовых средств в мастерской по производству деревянных сувениров и коллекцию книг, напечатанных в самиздате.

Тем временем события в приморском городе продолжали развиваться вне зависимости от активной деятельности Авраама Шифрина.

Одесские старшкласники, «обдумывающие жизнь», искали ответы на вечные вопросы: они много читают, собираются в компании, спорят, обсуждают прочитанное.

В 1965 году Вячеслав Игрунов и его друзья Николай Базилев, Анатолий Гланц и Людмила Бабий² уже создали подпольную группу. Постепенно группа начинает заниматься распространением самиздата. Это требовало средств. Первые личные отчисления начинались с родительских денег, выданных на школьные завтраки, потом была сдача крови. Но получение большого потока литературы из Москвы требовало постоянных и систематических затрат. И вот — удача!

В 1970 году, после того как Авраам Шифрин получает долгожданную израильскую визу, Игрунов и его друзья поняли не имели, куда исчезают солидные денежные суммы, но несправедливость их возмутила. Еще ранее, когда работой мастерской руководил Шифрин, Вячек не участвовал в этом предприятии, поскольку, по его собственному выражению, там была «обираловка».

К тому же к началу 1970 года молодые одесситы окончательно разочаровались в марксизме и увлеклись либеральными экономическими теориями. «Дело в том, что свою программу экономических реформ я продумывал в 1969–1972 годах. Это было время, когда я думал о том,

как можно трансформировать советскую экономику... Неэффективность советской экономики была для нас очевидна с самого начала», — писал Игрунов

В яростных спорах об экономической справедливости филолог, знаток русской литературы и убежденный сионист Исидор Моисеевич Гольденберг потерпел сокрушительное поражение и уступил натиску молодых либералов. Один из диспутов, происходивших между Вячком и Гольденбергом, колоритно описан в очерке Игрунова «Об экономике, о мастерской и Культуре»: «Я говорю: Исидор Моисеич, ну вот мы же с Вами уже давно договорились об экономических концепциях, мы это уже все обсуждали. Он говорит: да, с Вашей теорией я согласен и готов следовать за Вами в теории, но — это жизнь! Она отличается от теории. — Исидор Моисеич, либо теория плохая, если она не отражает жизнь, либо Вы не правы. Он говорит: нет, теория хорошая, но я прав». Короче говоря, мы с Исидором Моисеичем не нашли общего языка. Раз он там что-то скрывает, что-то прячет, я ушел от Гольденберга и не стал с ним работать». Скрывал и прятал Исидор Моисеевич, как мы понимаем, финансирование московских сионистов.

В результате конфликта Гольденберг вынужден был уйти из мастерской. За долги друзья выставили ему счет на фантастическую сумму 540 рублей. Исидор Моисеевич деньги вернул и больше не появлялся. Расставание не было дружеским. Вспоминая эти события, Игрунов пишет: «Мне стыдно по сегодняшнему дню за это. Мне нужно извиниться перед ним. Я долгие годы иду его в Израиле, чтобы извиниться перед ним, и не могу найти. Я опросил всех людей вплоть до правительства. Я встречался с высокопоставленными людьми из правительства Израиля — впусую».

События в 1971–1972 годах развивались стремительно. В первый же месяц блестящие экономические начинания разбились о суровую действительность, и мастерская не выполнила никаких намеченных планов, зарплаты не было. При капитализме это можно было назвать банкротством.

Обратимся к свидетельству Игрунова: «Не хотели люди работать. Приходили, отработывали один день, получали деньги и исчезали. Возвращались, когда опять была у них потребность в деньгах. «Сазонов за один день зарабатывает 40 рублей и исчезает. Все! Ему больше не надо! Ему надо было 40 рублей! Он их заработал и исчез, а все сидят с высунутыми языками», — сокрушался новый начальник производства.

Несмотря на полную безответственность работников, начальнику цеха все же удавалось часть доходов уже отчислять на «репродуцирование» книг для одесской библиотеки самиздата.

Мастерская просуществовала до середины 1973 года. Сувенирная продукция была различной: кулоны, канделябры, сувениры и так далее³. Игрунов пишет, что работник мастерской мог заработать за месяц

до 600 рублей, однако средняя зарплата составляла 120–200 рублей. Закрыванию мастерской и краху либеральных экономических теорий способствовали причины как внутренние (отсутствие хоть какой-то дисциплины), так и внешние.

В поле зрения КГБ мастерская, по-видимому, попала еще в период, когда ею руководил Авраам Шифрин. Под видом различных инспекций в помещении то и дело проводились обыски. Искали, естественно, запрещенную литературу. В итоге под предлогом несоответствия нормам безопасности или несоблюдения санитарно-гигиенических норм помещение цеха было опечатано. Вышестоящей инстанцией было предложено другое помещение, абсолютно непригодное для работы, так как находилось в подвале жилого дома.

Чтобы поддержать библиотеку самиздата, друзья начали продавать книги из домашних библиотек, и когда «почти все возможные книги из личных библиотек были проданы», Вячек с Олегом Курсой создают, по их собственному выражению, «маленькое букинистическое предприятие, которое и обеспечивало библиотеку» до марта 1975 года, когда был арестован Игрунов.

Маленькое букинистическое предприятие состояло из продажи букинистических и дефицитных книг на одесском Староконном рынке.

Итак, мастерская существует с 1966 по 1974 год. Из них четыре года ею руководит Шифрин, два с половиной — Игрунов и Рыков.

Примечательно, что представители КГБ искали самиздат. Незаконная схема оборота финансовых средств, лежавшая на поверхности, их не интересовала.

Чем показателен пример одесской мастерской?

Крайне мало свидетельств о том, как работала подпольная экономика в СССР, тем более направленная на тиражирование самиздата, поддержку оппозиционных движений (в данном случае — за выезд в Израиль). Когда мы говорим об инакомыслии в СССР, то имеем в виду в первую очередь политическое инакомыслие. И это верно. Но экономическая составляющая была и остается важной стороной диссидентства как формы общественного поведения.

Елена СТРУКОВА

На снимках: Елена Струкова выступает с докладом на Чтениях памяти Арсения Рогинского 30 марта 2019 года. Скриншот видеотрансляции «Мемориала»

Вячеслав Игрунов — перед арестом в 1975 году и в археологическом музее, 1971 год. Авраам Шифрин — фото из дела, 1953 год.

В коллаже использованы архивные фотографии личного сайта В. Игрунова igrunov.ru

1. Роман описывает исторические события от еврейских погромов в России в конце XIX века до середины XX века — создания Государства Израиль.
2. В 1965 г. не были связаны с перечисленными выше людьми.
3. Схема прибыли мастерской пока до конца не изучена и не подтверждена — Примеч. авт.

* Вячеслав Игрунов. Об экономике, о мастерской и Культуре // Игрунов Ру www.igrunov.ru/
** Авраам Шифрин. Четвертое измерение. — Frankfurt a. M. Посев, 1973.

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

ЦЕНЗУРА — ДУРА

5 апреля в «Международном Мемориале» открылась выставка «А упало, Б пропало. Словник советской цензуры», посвященная жесткой системе надзора за информацией в СМИ, искусстве, музыке и культуре в СССР.

На протяжении 70 лет в СССР развивалась уникальная система «всцензуры», напоминают организаторы. Коррекции и предпросмотру подвергались все произведения — как рукописные, так и печатные, изобразительные, музыкальные и визуальные, как создаваемые в стране, так и ввозимые из-за границы. Все элементы системы библиотечного хранения, звукозаписи, книгоиздания и кинопроизводства подвергались этому просмотру.

При этом советскую «всцензуру» отличала феноменальная скрытность: в какой-то момент само слово «цензура» попало под запрет, а попытки упоминания о ней неизбежно пресекались самой же цензурой. Порой трудно бывает провести границу между сферами деятельности органов цензуры и госбезопасности: «надзор» за авторами, участие в подборе цензурных кадров, репрессии за допущенные «ошибки», участие в «защитках» библиотек и проверка спецхранов — госбезопасность работала рука об руку с цензурой.

За 5 минут до начала открытия выставки зал был полностью заполнен гостями. Свободных сидячих мест не осталось, и большинству гостей пришлось стоять. Открытие выставки началось с речи главы СПЧ Михаила Федотова. Открывать выставку стало «личным удовольствием и личной радостью», признался в своем первом слове Федотов. «Я был одним из тех, кто закрывал цензуру в нашей стране. Это произошло на рубеже 1990–1991 года, когда был принят закон о печати и других средствах массовой информации», — начал Федотов.

Борьба за принятие закона, борьба с цензурой была тяжелой и долгой. Для того чтобы хоть как-то охватить этот период своей деятельности, выступающему понадобилось бы «не пять выделенных минут, а пять часов», признался Федотов. Несмотря на то что цензуры наступили тяжелые времена, она усердно сопротивлялась и видоизменялась. Действовавшее тогда Главное управление по делам литературы и издательств — Главлит — на совещании с региональными руководителями ведомства заявляло — ни в коем случае нельзя давать слово Федотову, потому что он «крайне левый экстремист и крайне правый в обществе паники». «Когда я об этом узнал, то решил, что меня должны называть крайне полусредний», — пошутил Федотов. В конечном итоге цензура поддалась, была одержана победа — Главлит, сформированный в 1922 году, свое существование практически прекратил.

Весь XX век цензура развивалась и проявлялась даже в мультипликации, фалеристике (коллекционирование орденов, медалей, значков) и даже в этикетках на спичечных коробках. Цензурой занимался Главлит, с которым Федотов познакомился в 1960-х годах, будучи корреспондентом газеты «Вечерняя Москва». Тогда он впервые увидел штамп — «в набор разрешаю». Внизу штампа всегда следовала подпись сотрудника Главлита. Впрочем, этим дело не заканчивалось, и когда заканчивался набор, то уже перед выпуском ставился штамп — «в печать

разрешаю», внизу которого также в обязательном порядке расписывался сотрудник Главлита, напомнил Федотов.

В начале 1990-х годов на смену цензуре приходит неограниченная свобода массовой информации, которая ранее существовала как привилегия, данная членами ЦК КПСС, — к примеру, то, что можно было напечатать с согласия политбюро в «Московских новостях», никогда бы не опубликовали в «Комсомольской правде», продолжил глава СПЧ. Закон о печати сделал так, что свобода распространилась на всех. «Что со свободой стало дальше — разговор другой. Я надеюсь, что в рамках этой выставки мы еще не раз встретимся и обсудим этот вопрос», — пожелал Федотов.

Слово взяла Ирина Шербакова. Для «Мемориала», заметила она, тема цензуры крайне важна, ведь все выставочное пространство «Мемориала» так или иначе связано со свободой слова — например, ранее была открыта выставка «История «Собачьего сердца». Для современного человека цензура — абстрактное понятие, ее почувствовали совсем недавно, когда начали «прижимать» социальные сети, судить за «лайки». «Выставка небольшая, это, скорее, реплика, но за ней стоят уничтоженные судьбы людей. Говорят, что рукописи не горят. Это не так. Горят и рукописи, и авторы исчезают. Представьте состояние Василия Гроссмана, услышавшего, что он увидит свои произведения напечатанными через 200 лет. Автор обращается к современникам, к своим читателям, и недаром он писал — «дайте свободу моему роману», подразумевая, конечно же, собственную свободу», — рассказала Шербакова. Выставка будет открыта до середины сентября, и ее открытие — только начало для дискуссий и встреч. У каждого из присутствующих, уверена Шербакова, есть идеи и мысли, как улучшить экспозицию и сделать ее более ясной для самого большого круга людей.

Говоря об организаторах выставки, Шербакова особо отметила сотрудницу Музея Булгакова Марину Савранскую и Фонд Эберта. По словам директора фонда Пеера Тешендорфа, Фонд Эберта участвовал в организации выставки, поскольку осознает важ-

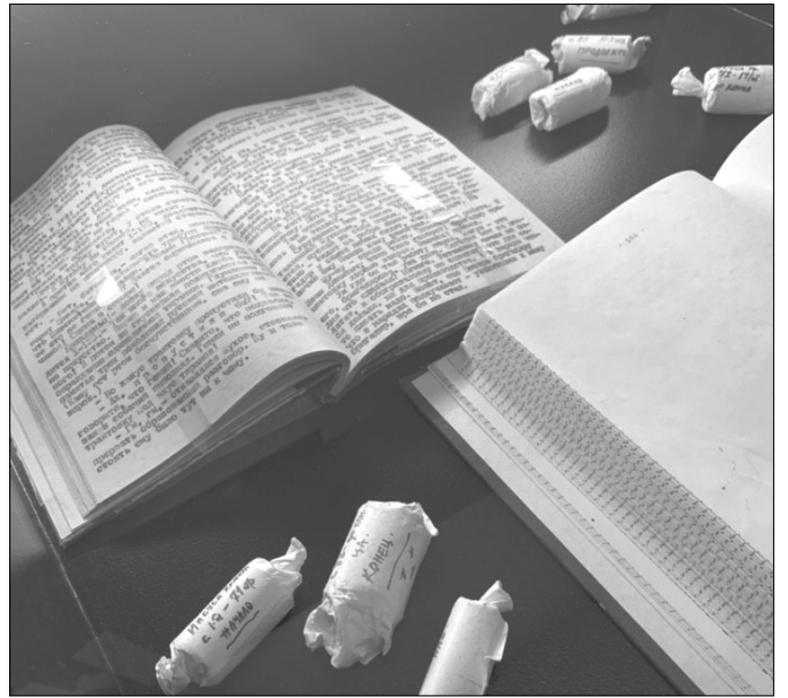

ность изучения истории, а также ее интерпретации, и хочет понять, что именно происходило во время репрессивной работы цензуры. «Главный вопрос — что прошлое сегодня для нас может значить? Прошлое — иной мир, но и сегодня отголоски цензуры наблюдаются в соцсетях. И мы должны ясно понять, что каждый запрет — это шаг к экспонатам выставки... Выставка предлагает многое почерпнуть из истории развития цензуры. Вспоминая прошедшее, сегодня думается по-другому. А значит, есть площадка для дискуссий, пусть сложных и долгих», — сказал директор фонда.

По замыслу организаторов на открытии выставки должны были выступить те, кто непосредственно пострадал от цензуры, и вспомнить цензуру времен СССР и ее элементы, используемые российскими властями сегодня. Первым из приглашенных спикеров выступил главный редактор интернет-проекта «Арзамас» Филипп Дзядко. Проявления цензуры в самых жестких ее формах спикер видит в жестких преследованиях недовольных политическим режимом в России, выражающих свой протест нецензурными надписями на заборах. «Например, кто-то написал, что кое-какой чиновник — дурак. Сегодня наша тема — цензура, поэтому я не скажу, как на самом деле пишу. Но почему всегда надо задумываться, можно ли написать правду на стене?.. Так или иначе конкретный момент времени связан с тем, что ты можешь [сказать], а что нет. Всегда оборачиваешься на понятие «нормы». Сложность нынешнего момента в том, что современный журналист преследуется не злым дядькой с карандашом, а самим собой, автор мучится самоцензурой — человек перестал разгадывать истории, боясь запрета. Данный вывод я делаю из собственного опыта работы главным редактором», — рассказал Дзядко.

Следующим выступил член Вольного исторического общества исследователь Анатолий Голубовский, который, взойдя на кафедру, назвал себя «не жителем того времени, не журналистом, не писателем и не пострадавшим от цензуры, а одним из экспонатов выставки»: дело в том, что его дед Борис Михайлович Волин в период 1933–1935 годов был начальником Главлита, по сути — цензором страны. В семье сохранился первый экземпляр книги «Мистер Твистер», на котором стоит резолюция Сталина — «можно разрешить». Есть еще и конверт, в котором принесли деду экземпляр. Голубовский указал на этот факт — даже у главного цензора был цензор. «Вдумайтесь — цензору разрешают разрешить. Сегодня ситуация схожа — тот, кто не уполномочен разрешать, разрешает

тому, кто уполномочен», — сказал Голубовский.

Он сравнил экспозицию с одной из выставок, посвященных истории Германии в Берлине, где история Третьего рейха в части пропаганды, посвященной в том числе преследованию евреев, убрана в специальные шкафы. Действительно, как выяснилось позже, часть экспозиции выставки убрана в специальные деревянные ящики. Увидеть содержимое можно, только лишь приподняв крышку. В Берлине, напомнил Голубовский, система применялась потому, что современной Германии стыдно за те события; та же идея применена и здесь: «То, что выставляется — за это стыдно», — сказал Голубовский.

Следующим выступил актер и режиссер Андрей Смирнов. Съёмки фильмов не могли осуществляться без присутствия цензоров, везде присутствовал и прошедший Вторую мировую генерал, который, как оказывалось впоследствии, писал множество безграмотных доносов. Первая же картина Смирнова легла на полку на 20 лет, причем конечный вариант отличался от начального по длительности почти в половину. «Первый вариант был 57 минут, а осталось 34. Так я пытался спасти картину», — рассказал Смирнов.

Смирнов известен прежде всего фильмом «Белорусский вокзал», в котором играли Леонов и Папанов. Через год фильму будет 50 лет. Сценарий был закрыт, и лишь спустя полтора года после переработки фильма режиссеру удалось добиться, чтобы лента была запущена — да и то лишь благодаря знакомству с Михаилом Роммом, который, поручившись своим партбилетом, клялся, что фильм не носит антисоветский характер. В конце ленты, напомнил Смирнов, персонажи фильма вылезают грязными из канализации, затем сидят у знакомой женщины, работавшей медсестрой на войне. «В оригинале они были сняты голыми по пояс. Но эту сцену корректировали четыре раза. И было решено, что по этическим соображениям «плохо одетых людей в СССР мы не снимаем». Их одели. Кстати, то же самое было с погодой — ее сделали солнечной», — рассказал Смирнов.

Были проблемы и с аудиосопровождением — редактор был против текста песни Рудата Окуджавы, в которой фигурировала строка «Мы за ценой не постоим». Редактор заявил, что это китайский лозунг, а советский — победа малой кровью. «Я сказал, вы были на войне, вы видели ее. 30 миллионов ухлопали — и это малой кровью? Он ответил, что все равно категорически против», — сказал Смирнов. Песня, тем не менее, была принята и записана с протекции режиссера Петра Тодоровского. По данным Смирнова, в ее протекции

участвовал и Брежнев, впоследствии певший ее с однополчанами 18-й армии.

Завершая открытие выставки, выступил киновед и историк кино Наум Клейман.

«Из Пушкина мы помним, что цензура — дура. И дура она прежде всего потому, что не выдерживает исторического события. В наше время не было фамилии Булгаков. Знали Ахматову, но лишь потому, что она фигурировала в постановлении от 1946 года, где говорилось — уходят в бытие пережитки прошлого и теперь-то мы достигаем нового уровня», — закончил Клейман.

Затем все перешли на выставку. На ней представлены копии документов, вырезки из газет и текстов, ярко перечеркнутых красными карандашами, печатная машинка «Еrika», а также определения ряда статей. Каждая буква алфавита соответствует тому или иному понятию. Вот буква «Н»; отвернув лист, видим определение «Несанкционированной публикации». Пример тому — машинописный текст повести «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. Или фотоленки Ренана «История земной жизни Иисуса Христа». Буква «Я» — это сетевой катушечный магнитофон «Яуза-5», выпущенный Московским электромеханическим заводом №1 в 1960-х годах и предназначенный для записи лекций. Этот магнитофон породил целое направление субкультурного музыкального самиздата — магнитиздат. Идем дальше и видим — буква «Л». Ей соответствует «Линия партии». Букве «Б» отдана «бдительность», букве «Е» — «евреи», а «З» — запрет.

Помимо этого, на выставке представлены копии корректуры романа «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, различные аудиозаписи, среди которых — песня «Нас не трогай» Лебедева-Кумача.

Олег КРАСНОВ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Ирина Шербакова, Филипп Дзядко и Наум Клейман, выступавшие на открытии выставки. Фото автора

ПАМЯТЬ — МОСТ ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Мост через Катунь у села Иня я запомнила с первого класса, после окончания которого мама повезла меня к бабушке и отцу. Чуйский тракт тогда, в 1966 году, был еще работягой: шли бензовозы в Монголию, гнали скот, бежали маленькие пазики в белых хвостах пыли. Дорога была почти сплошь белой, покрытой гравием, и лишь изредка асфальтированной.

До города добирались 8–10 часов. Меня укачивало, и я, чтобы не тошнило, высовывала голову из окна и пела. Попутчики о чем-то переговаривались, но перед мостом все замолчали, я тоже перестала петь. Наш маленький автобус въезжал на мост. В моем сознании осталась косая арка пилона, нависшего надо мной своей железобетонной тяжестью. Я всегда помнила только эти башни и черные канаты. И только несколько лет назад вдруг увидела узорные деревянные перила моста и его изящный прогиб над Катунским тридцатиметровым обрывом.

В последних числах декабря прошлого года я ехала с внучкой к другой бабушке в Акташ встречать новый, 2019 год, и мы остановились у села Иня, чтобы сделать снимки старого моста через Катунь. Настил моста совсем искрошился. В самой его середине зияет дыра. Ходить по нему опасно, но, судя по отметинам, козочки еще легкомысленно пробираются с одного берега на другой.

Один из старожилов заметил нам, что фотографировать мост, как секретный объект, до 1960-х годов было запрещено. А сегодня его снимают все, кто проезжает мимо.

Ининский мост любят посещать туристы. Многие интернет-источники привлекают их внимание к данному культурному и историческому объекту. С 1994 года старый мост у села Иня как памятник архитектуры внесен в реестр объектов культурного наследия РФ.

В 2019 году исполняется 85 лет с начала его строительства по проекту инженера С.А.Цаплина. Ининский двухцепный висячий мост — действительно уникальное сооружение на Чуйском тракте, возведенное заключенными 7-го отделения Сиблага. В Советском Союзе гордились, что он по новизне инженерных решений был первым и единственным. «При по-

стройке моста через Катунь впервые был применен ряд новых деталей, как то: железобетонные башни (пилоны), соединительные конструкции канатов и т.д.».

«Чудом того времени» называют Ининский мост в республиканской прессе и на туристических сайтах, посвященных путешествиям по Алтаю. Еще одно название я впервые услышала в Москве на конференции Российского общества «Мемориал», когда с алтайским писателем Юрием Кондратьевичем Пастуховым говорили об истории строительства Чуйского тракта.

— А вы знаете Чертов мост на Чуйском тракте?

— Ининский мост? Почему Чертов? Число дьявола — 666?

Три шестерки зловеще проявляются в дате, количестве машин и груза: мост был сдан в апреле 1936 года, в порядке испытания по нему одновременно проехали шесть автомобилей ЗИС с грузом по 6 тонн.

Но дело, конечно, не в цифрах. Строительство моста происходило в чудовищных условиях на одном из самых опасных по течению Катунь мест. Кроме того, стройку решили сдать по-стахановски, в самые короткие сроки. И без того сложная работа становилась просто адской. Строили зимой, практически без отдыха, днем и ночью при свете фонарей. В сорокаградусный мороз скручивали тросы на льду Катунь. Канаты натягивались вручную. Все гайки закручивали руками. По свидетельствам очевидцев, времени на передышку не было, даже хоронили рядом, просто забрасывая камнями. Когда годы спустя раскапывали дорогу, то обнаружили человеческие кости. Как говорят местные жители, вести себя здесь надо тихо: около трех тысяч заключенных канули в небытие при строительстве моста.

Сегодня никто не знает их имен. Я нашла только несколько фамилий на одном из интернет-сайтов: «Бригады монтажных бригад тов.

Пушкарев и тов. Куксу, а также стахановцы т.т. Чернов, Яблонский, Нечаев, Каменщиков и другие, добившиеся высоких показателей и хорошего качества работы...». А также упомянут «тов. Костин», перво-классный плотник. Какова дальнейшая судьба этих людей? Известна история гибели двадцати пяти амнистированных заключенных. Но их имен также никто не знает.

Каждый год туристы поражаются тому, что объект культурного наследия разрушается и никому нет до этого дела. Вот такие отзывы можно прочитать в Интернете: «Мост находится в безобразном состоянии и только на бумаге числится достоянием нации. Средства на его поддержание в нормальном состоянии не выделяются...». Проблема восстановления памятника архитектуры рассматривалась в правительстве Республики Алтай в 2017 году в связи с трагической датой 80-летия политических репрессий 1930-х годов, но решить ее по каким-то причинам не удалось.

В поселке Акташ я встретила с учителем, членом общества репрессированных Андриенко Василием Емельяновичем и задала ему вопрос:

— Как вы думаете, в чем ценность старого Цаплинского моста на Ине и есть ли она?

— Что такое человек без памяти? Ничто. Так же и общество. Этот мост у нас в душах...

В селе Иня удалось поговорить с Иткеновым Николаем Маймановичем, строителем нового железобетонного моста:

— Ремонт моста делать нужно, но трудно: нет той особой древесины, которую подбирали местные жители в 1930-е годы. Здоровую лиственницу не найти: гниет изнутри уже в молодом возрасте.

— А в чем причина?

— Космодром Байконур близко.

— И все-таки восстановление моста экономически выгодно селу?

— Конечно, чем больше отдыхающих на Ине, тем лучше.

По мнению Василия Петровича Ойношева, много лет занимающегося памятниками Горного Алтая, развитие села должно опираться на концепцию, включающую в себя все культурные объекты. В самом селе интересен памятник Ленину. Во-первых, это самая первая скульптура в Горном Алтае. Во-вторых, самая оригинальная: Ленин стоит спиной к дороге на большом постаменте в форме винта и смотрит на восход солнца. Постамент сравнивают со знаменитой конструктивистской Башней Татлина. Здесь, в поселке Иня, можно было бы создать исторический автомобильный парк развития транспорта на Алтае. Восстановить автобазу, построенную в 1930-е годы для шоферов Чуйского тракта, как музей. Именно они открывали мост в 1936 году праздничным концертом.

Что возможно и необходимо сделать уже сегодня? С каждым годом растет интерес к туризму в Горном Алтае. Поток туристов значителен. Но явно недостаточное информационное обеспечение по всему Чуйскому тракту. А у старого моста в поселке Иня нет даже простого информаци-

онного баннера об этом историческом объекте.

Первое, что необходимо сделать, на мой взгляд, — это создать современный информационный стенд, разместив на нем архивные материалы, фотодокументы, рассказы о строителях. В перспективе — установка памятника погибшим создателям «объекта культурного наследия» и ремонт самого объекта.

***

История моста отражена в легендах и народных песнях. Увековечен он и в живописи. Живописная работа Вячеслава Николаевича Костина «Старый мост на Ине» (1985 год) является настоящим памятником людям, на которых легла вся тяжесть «великой стройки века». Знал ли художник, что среди строителей моста был его однофамилец, а может, и родственник, плотник Костин? На картине крупным планом пилоны — арки, под которые входят мужчины невысокого роста в рабочей одежде и конь. Входят, чтобы уйти на тот берег навсегда.

Татьяна ДАНИЛОВА,
Алтайский «Мемориал»

1. Гаприлов Е. <http://www.vtourisme.com/altaj/infrastruktura/mosty/388-podvesnoj-most-cherz-r-katun-u-s-inya>.

На снимке: Картина Вячеслава Костина «Старый мост на Ине» (1985 г.)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЛАСТИ ПРОДЛИЛИ ДЕЙСТВИЕ КОНЦЕПЦИИ

➤ Окончание. Начало на с. 1

с общественными и религиозными объединениями. Что стоит за этими формулировками?

В ходе осуществления Концепции предполагается создать музейно-мемориальные комплексы и тематические экспозиции по истории политических репрессий, разработать учебные пособия и образовательные программы, создать базы данных, издавать книжно-журнальную и аудиовизуальную продукцию, осуществить ряд научно-исследовательских работ, провести конференции, семинары и так далее.

Член правления «Международного Мемориала» Сергей Кривенко так прокомментировал еще в 2015 году, что принятие Концепции — это «в каком-то смысле символический жест, демонстрирующий, что Правительство Российской Федерации поддерживает деятельность, которая в течение 20 лет велась общественниками и которую на свой страх и риск поддерживали чиновники на местах».

Арсений Рогинский, комментируя для «30 октября» (№124) проект Концепции, говорил, что речь идет о «небольшом документе, никого ни к чему не обязывающем, но содержащем много правильных слов».

Рогинский выделил важнейшие точки программы — создание условий для свободного доступа к архивным материалам и мемориальным объектам, сохранение и популяризация культурных ценностей народов РФ, подвергнувшихся репрессиям, создание образовательных и просветительских программ, касающихся темы политических репрессий. Значение Концепции, сказал он, «не надо преувеличивать, но не надо и преуменьшать — ведь эти слова будут в какой-то момент озвучены правительством или президентом. Таким образом власть показывает, что она не закрывает тему, считает нужным увековечить память».

Концепция вызывала ряд вопросов и не отвечала на некоторые требования историков и правозащитников. Так, в 2015 году

Роберт Латыпов отмечал, что «Концепция явно грешит повторением старых клише и принципов. Массовый террор опять подается исключительно как трагедия вообще, как некая эпидемия и великий мор. Между тем давно пора признать, что это было серийной и хорошо спланированными преступлениями советского государства против собственных граждан, и дать юридическую, правовую оценку этим преступлениям, деяниям конкретных людей и органов, которые их творили. После этой оценки станет очевидным, почему наши города и улицы не могут и не должны носить имена преступников, использовавших террористические методы управления страной».

Председатель правления «Международного Мемориала» Ян Рачинский в интервью газете «Коммерсантъ» сожалел, что за рамками Концепции оказались социальные проблемы еще живых узников лагерей, которых осталось совсем немного. Но, с другой стороны, ему «хочется надеяться, что принятие

этой концепции если не стимулирует власти к тому, чтобы большее внимание уделять проблемам увековечения памяти, то, по крайней мере, немного облегчит работу благотворительных и просветительских организаций, которые пытаются увековечить память репрессированных и сталкиваются с очень прохладным отношением региональных и федеральных властей».

В марте 2019 года Советник Президента РФ Михаил Федотов отметил, как передал сайт president-sovet.ru Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, что Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, продленная до 2024 года, будет включать создание в Томске мемориально-музейного комплекса на Каштачной горе (Место массового расстрела и захоронения жертв Гражданской войны и сталинских репрессий. — Примеч. «30 октября»). Про Томский «Мемориал» можно прочесть слова его председателя Василия Ханевича на с. 2).

«Я бы предложил создание на территории Каштака мемориально-музейного комплекса. Его центром мог бы стать большой собор в честь новомучеников», — сказал Михаил Федотов.

Исполнительный директор «Международного Мемориала» Елена Жемкова написала в «Мемориальных хрониках»: «30 лет мы с вами работаем над восстановлением исторической справедливости, добиваемся того, чтобы была раскрыта память о страшном прошлом и чтобы это прошлое не повторилось. И конечно, много лет мы говорим о том, что эту задачу можно решить, только соединив усилия общества и государства. И нам, и нашим единомышленникам представлялось очевидным, что эта работа не заканчивается в этом году и что она должна быть продолжена». Жемкова обращает внимание на то, что в «самой Концепции речь идет не только о важности увековечения памяти жертв политических репрессий, но и о разного рода практических действиях по реализации этого документа».

«МОГИЛЫ — НЕ МЕСТО ДЛЯ ВОЙНЫ»

➤ Окончание. Начало на с. 1

все трудновыполнимыми призывами устроить раскопки и отделить кости одних от других.

Как отметила ведущая дискуссии в Artplay Екатерина Мишина, задачей организаторов было понять — есть ли возможность сформировать единое мнение в ситуации, где нет общественного согласия.

Никита Петров, историк, заместитель председателя совета НИПЦ «Мемориал», рассказал об истории Коммунарки, отметив, что это «сложное место». По его словам, в начале XX века там существовала мыза (Загородный дом, дача с собственным отдельным хозяйством. — Примеч. «30 октября»). После прихода к власти большевиков мызу конфисковали и превратили в спецобъект ОГПУ, где в начале 1930-х годов была обустроена дача Генриха Ягоды — зампреда, а потом и председателя ОГПУ и первого главы НКВД. После увольнения Ягоды с должности и его ареста в 1937 году дача был конфискована. По указанию Ежова, преемника Ягоды, территорию превратили во второй расстрельный полигон, поскольку существовавший полигон в Бутово не хватало. Что касается жертв Коммунарки, то, по словам Никиты Петрова, она довольно быстро стала местом расстрелов различных высокопоставленных лиц, попавших в маховик Большого террора, в том числе иностранцев. «Часть из них реабилитирована, часть — нет. Среди реабилитированных есть чекисты, которые, скорее всего, были причастны к Большому террору, но расстреляны были несправедливо, как предатели родины», — отметил Петров. Всего к настоящему моменту известно о расстреле на полигоне «Коммунарка» не менее 6609 человек. До конца 1990-х годов полигон находился в ведении спецслужб, и только в 1999 году он был передан Русской православной церкви.

После выступления Никиты Петрова началась дискуссия, в которой быстро выделились две противоположные точки зрения. Первую представлял в единственном числе бывший директор Музея и центра имени Андрея Сахарова Юрий Самодуров, выражавший также позицию Андрея Шалаева, руководителя интернет-проекта «Бессмертный барак», посвященного памяти репрессированных. Самого Шалаева, по словам Самодурова «не пригласили по причинам, которые я не считаю уважительными». Екатерина Мишина откликнулась на это короткой репликой о том, что дис-

куссия открыта для всех и приглашение было направлено и представителям «Бессмертного барака». Юрий Самодуров заявил, что дискуссия проводится «задним числом — не перед тем, как решать, какой должна быть Стена Памяти в Коммунарке, а после того, как это сделано, и «Мемориал» ничего там менять не будет».

Юрий Самодуров намекал, что проект был инициирован государством, поскольку, по его словам, автором Стены Памяти стал скульптор Георгий Франгулян, автор возведенного государством памятника «Стена скорби» на проспекте Сахарова. И предложил разделить фамилии захороненных на Коммунарке на три категории: те, кто не участвовал в расстрелах, те, кто их производил, и герои, которые сопротивлялись, — и именно так, разделив на три группы, написать на Стене Памяти.

На сайте «Бессмертного барака» руководитель проекта Андрей Шалаев написал, что организаторы дискуссии «боятся правды и хотят сделать дискуссию в узком кругу. Государство отдало эту тему на откуп людям, которые не смогли организовать обсуждение». Относительно же Стены Памяти Шалаев заявил, что считает единый список расстрелянных «без каких-либо пометок» «оскорблением родственников невинных жертв».

Вторую позицию представляли остальные выступающие.

Ян Рачинский, председатель правления «Международного Мемориала», прежде всего четко обозначил, что памятник в Коммунарке не имеет никакого отношения к государству. «На Стену Памяти не трагически государственные деньги — это дело абсолютно не связано с государством», — сказал он. Коснувшись тезиса о необходимости разделения фамилий расстрелянных, Рачинский заметил, что в Коммунарке воздвигнута Стена Памяти, а не «Стена скорби», что предполагает необходимость вспомнить всех. «Здесь упомянуты не жертвы и палачи, а те, кто был расстрелян», — сказал он. «Кроме того, могилы — это не место для войны».

Нина Брагинская, историк культуры, профессор кафедры классической филологии РГГУ, заметила, что дискуссия о том, как нужно увековечивать память погибших на Коммунарке, идет уже лет 30. «Она, по-видимому, будет идти и дальше. И единого мнения не будет — даже еще через 30 лет», — отметила она. Подчеркнув, что ни у кого из нас нет того страшного опыта, который был у расстрелянных на этом полигоне, Брагинская задала риторический вопрос: «Не слишком ли нам легко их

судить?». «Суд совести — индивидуальная вещь, идущая у каждого изнутри. И он никогда не будет единым у всех», — заключила историк, напомнив, что Стена Памяти — это не прославление тех, кто там упомянут, а их перечисление.

Культуролог РГГУ Светлана Еремеева рассказала, что подобные «стены памяти» с фамилиями всех погибших возникли как феномен культуры после Первой мировой войны. Она, как и Нина Брагинская, подчеркнула, что в случае с Коммунаркой в настоящее время «нельзя найти единого смысла этого памятника, это время упущено».

Вадим Басс, историк архитектуры, доцент факультета истории искусств Европейского университета в Санкт-Петербурге, заявил, что бессмысленно переделывать памятник, но стоит дополнить его исторической справкой. Для этого должен быть создан музей или информационный центр. «Нужна просветительская работа, чем «Мемориал» и занимается», — заключил он.

Елена Жемкова, исполнительный директор «Международного Мемориала», заявила о необходимости создания музея, «где можно будет познакомиться с рассказом об этих людях, но это долгая процедура». Жемкова рассказала и о других проблемах Коммунарки: все работы там проводятся силами всего 12 волонтеров, и их не хватает даже на расчистку территории.

О необходимости музея заявил и директор Мемориального научно-просветительского центра «Бутово» Игорь Гарькавый, который рассказал о своем опыте по увековечению памяти различных категорий расстрелянных на Бутовском полигоне, в числе которых были и уголовники. «На нашей стене перечислены все, чьи фамилии нам удалось установить, в алфавитном порядке», — рассказал он. — Теперь следующий шаг — создание музея и экспозиции. И в музее мы рассказываем и о палачах, в том числе о Ягоде».

Архитектурный критик газеты «Коммерсантъ» и проекта «Сноб» Григорий Ревзин, саркастически предложивший соорудить памятник для «палачей» в виде плевательницы, заметил, что предлагаемое разделение на «чистых» и «нечистых» вызовет постоянные переделки памятника из-за вновь появляющихся данных и новую волну доносов. «Сделать это возможно, но общественное согласие не наступит», — заключил Ревзин.

Философ, главный редактор издательства «Логос» Ксения Голубович заметила, что сейчас настоящие жертвы — это потомки и расстрелянных, и причастных к расстрелам. «Именно они сейчас живут с памятью о том, что их родственник был жестоко убит или, наоборот, был палачом», — заметила она.

Хотя никакой формальной резолюции по итогам дискуссии принято не было, судя по настроению участников и репликам выступавших у свободного микрофона, преобладающей среди собравшихся все же стала точка зрения о ненужности возводить новые разграничительные линии на пустом месте. Тем более что отделить условных «палачей» от условных «жертв» крайне трудно — ряд расстрелянных на Коммунарке успел побывать в обеих ипостасях.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Скриншот трансляции лекции Александра Гурьянова 16 апреля 2019 года. Стена памяти в Коммунарке, осень 2018 года.

Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

СУД БЕЗ СОСТЯЗАНИЙ

➤ Окончание. Начало на с. 1

ного следствия и суда над Оюбом Титиевым.

Глава республики не хочет выносить сор из избы и имеет неограниченный ресурс, чтобы добиться желаемого результата. Ему на Кавказе никто не указ, включая, судя по всему, и федеральное руководство. Поэтому расправа над Оюбом Титиевым — в прямом смысле показательная».

Светлана Ганнушкина, председатель Комитета «Гражданское содействие», руководитель программы «Миграция и право» ПЦ «Мемориал»:

«Президент прекрасно знал об этом вопиющем деле. Ему о нем регулярно напоминали самые разные лица, включая, например, (президента Франции) Макрона или (Григория) Явлинского».

Это дело лишний раз показывает, что в Чечне по-прежнему можно вытворять все что угодно, лишь бы не было никаких сепаратистских настроений, вот и все.

«...» Увы, это состоявшаяся практика, получившая распространение, к сожалению, не только в республике. Да, в Чечне уже не первый раз творится беззаконие. Но подобных дел хватает и в России. Они совсем необязательно касаются правозащитников. Это свидетельствует о полном развале судебной системы в стране в целом».

Сергей Давидис, руководитель программы помощи политзаключенным ПЦ «Мемориал»: «Осуждение заведомо невинного человека на основании очевидно убого сфабрикованных «доказательств» не перестает быть преступлением против правосудия».

6 марта, накануне прений по делу в Шалинском городском суде, в помещении «Международного Мемориала» прошла пресс-конференция, посвященная делу главы Грозненского «Мемориала» Оюба Титиева, в которой приняли участие его адвокаты и представители правозащитных организаций. Титиев был арестован 8 января 2018 года по обвинению в хранении марихуаны и до настоящего момента находится под стражей.

Основное внимание участников пресс-конференции было обращено на нарушения, допущенные в ходе судебного процесса. Адвокат Илья Новиков рассказал, что последние два месяца, пока шло судебное следствие, защита заявляла ходатайства об исключении отдельных доказательств из дела или о приобщении новых. «Суд их рассматривал и в подавляющем большинстве случаев отвечал на них отказом», — отметил он. Он также подчеркнул, что исход суда фактически предreshен после заявления главы Чечни Рамзана Кадырова о виновности Титиева: «Если Кадыров публично говорит, что Титиев — наркоман, как может оказаться, что судья любого суда в республике занял позицию, что Титиев не наркоман?» — сказал он.

Руководитель программы «Горячие точки» ПЦ «Мемориал» Олег Орлов подчеркнул, что многие от-

вергнутые ходатайства адвокатов были направлены на то, чтобы разъяснить те или иные моменты ареста Оюба Титиева (его арестовывали дважды — в первый раз без понятых, с нарушением закона, а вторично — уже формально «чисто», с понятными, подержав некоторое время в Курчалойском РУВД), чтобы выяснить какая из двух версий (обвинения или защиты) правдивая. В качестве примера отвергнутого ходатайства Орлов рассказал о просьбе адвокатов установить судьбу телефонов, которые в день ареста были у Титиева, но в полицейском протоколе не упоминались: «У нас есть четкое правило — наш сотрудник не выходит на работу без включенного мобильного телефона. У Оюба были при себе мобильные телефоны (сразу три), ключи от офиса, планшет. А по официальной версии оказывается, что он ехал на работу без ключей от офиса, без телефонов, без всего. Адвокаты ходатайствовали — давайте попросим «Мегафон» и «Билайн» провести биллинг телефонов, чтобы установить их местонахождение в тот день. Отказали».

Отдельное внимание было уделено «главному доказательству» вины Титиева — пакету с марихуаной, на который оказался наклеен скотч с волосом Титиева. Адвокат Марина Дубровина прямо на пресс-конференции провела эксперимент, показав, что скотч не мог быть снят с пакета, в котором Титиев якобы хранил марихуану, без того, чтобы пакет не был бы поврежден.

Подозрения у защиты вызвал и ключевой свидетель обвинения Сулиман Басханов. Петр Заикин обратил внимание, что этот человек даже не смог выдержать заседание суда, так как ему стало плохо, когда он находился «в несколько необычном состоянии, предполагающем опьянение».

Участники пресс-конференции обратили внимание и на контекст «дела Титиева». Заместитель директора Human Rights Watch Рейчел Денбер подчеркнула, что оно возникло не на пустом месте. «Мы видим десятилетнюю историю давления на правозащитников, журналистов, гонений, поджогов офисов, и не только на правозащитников и журналистов, а на любого активиста и человека, который смеет критиковать Рамзана Кадырова, правительство Чечни», — заметила она, напомнив, что уже и раньше в Чечне «были такие дела с подбрасыванием наркотиков против людей, которые критиковали власть».

В связи с этим уместно вспомнить дело журналиста «Кавказского узла» Жалауди Гериева. 16 апреля 2016 года Гериев был похищен вооруженными людьми по дороге в аэропорт, когда уже купил авиабилет и прошел электронную регистрацию. После похищения силовики отобрали у него телефоны и рюкзак, куда были подброшены наркотики.

Про «контекст» говорил и Олег Орлов, заметивший, что дело Титиева — важное звено в цепи давления на «Мемориал» и дру-

«НАС СОСЛАЛИ ВЫЖИВАТЬ, А МЫ СТАЛИ ПРОСТО ЖИТЬ»

— Бичи, а, Бичи, скажи мне, а кто это — «Реввоенсовет»? — Абу с трудом выговорил непонятное слово. Старшая сестра, поправив сбитый платок, бросила на чугунную сковороду раскатанную лепешку с второгом — чепалгаи.

— Как ты сказал? Реввоенсовет? — она повторила ей тоже незнакомое слово. — Откуда ты взял его? Что-нибудь хорошее бы учил, а то непонятно какие слова в дом приносишь.

— Это не какие-то «непонятные слова», — обиделся Абу. — Это песня такая, про Красную Армию: «Реввоенсовет нас в бой зовет». Эту песню учим, будем петь на утреннике в честь Красной Армии. К нам солдаты придут в школу и командир тоже. Они обещали, — похвастался мальчик.

— А ну-ка! — Бичи завернула в газету несколько лепешек, протянула Абу. — Отнеси своему дяде Феде.

Вокруг их села Бено-Юрт вот уже месяца три, как был разбит палаточный лагерь, в котором жили солдаты. Они много воевали с фашистами, а сюда их привезли, чтобы они отдохнули. Об этом сельским мальчишка рассказал Руслан, одноклассник Абу. Их дом находится на краю Бено-Юрта, и Руслан познакомился с солдатами, когда в поисках оставшей от стада коровы забрал в палаточный лагерь. Тогда солдаты угостили его сахаром и подарили гильзы от патронов. А он отнес потом военным сушеное мясо и кукурузный лаваш. Через некоторое время все сельская пацаны после школы бежали в палаточный лагерь. Домашние передавали солдатам кто банку сметаны, творог, кто кукурузный хлеб.

Абу подружился со старым солдатом, дядей Федей. Тот называл его «сын» и к его приходу мастерил из дерева какую-нибудь смешную поделку. И приговаривал: «Бедолаги вы, бедолаги».

Песню про Красную Армию к утреннику Абу учил вместе с дядей Федей. Они маршировали по берегу, и ему было весело с дядей Федей, только вот тот всегда был грустный, называл «черноглазиком», а однажды даже заплакал, чем очень удивил мальчика. И еще он часто давал не совсем понятные советы. Например, просил, чтобы Абу передал отцу, что нужно резать коров и бычков и солить мясо. «Зачем?» — удивлялся мальчик, ведь скоро коровы будут телиться и появятся маленькие смешные телята.

Но этот совет своего старшего товарища Абу вспомнил, когда его отец Меду вернулся из дальней поездки. Вечером в их дом пришли родственники, друзья и ближайшие соседи. Абу, как младший среди братьев, притулился за печкой. Отец сказал, что привез плохие новости. Ему не удалось встретиться с друзьями-калмыками, которые чабановали на границе со Ставрополем, потому что их в одну ночь всех выслали. Об этом ему сказали казаки станицы Ищерской. Атаман этой станицы Ефим был давним кунаком отца Абу, и тот, бывая в Ищерской, всегда останавливался в доме Ефима. Он-то ему и сказал, что судьба чеченцев и ингушей будет такая же, как и калмыков.

— Ефим сказал, что выселять будут в один день всех, а день этот наступит через две недели, 23 февраля. И еще сказал, что там, куда должны всех увезти, холодно и голодно. Поэтому нужно запастись едой и теплой одеждой, — передавал разговор с атаманом Меду. И еще сказал, что Ефим поможет продать скотину казакам, а гусей нужно резать и засолить, это будет еда в дороге.

— А ты, — Меду обернулся к застывшему от таких новостей сыну, — прекрати свои прогулки к солдатам.

«Повезут далеко — значит, на поезде?» — думал мальчик, который никогда не ездил на поезде и видел составы с красивыми вагонами с окошками только на картинке в учебнике. И тут же вспомнил: «А как же утренник?»

Село Бено-Юрт по тем временам было большое — две тысячи человек. Выселение началось в шесть утра, и к восьми все жители села с вещами заняли свои места в кузовах военных машин. Семья Медуевых — шесть сыновей, из которых трое уже успели обзавестись семьями, пятеро дочерей, дедушка и бабушка со всем домашним скарбом — разместились в одной машине. Колонна студебекеров двинулась мимо поселка нефтяников Горагорск и далее, через Старые Промысла, к железнодорожной станции «Грознефтяная».

Военные высадили их из машин и под дулами автоматов подогнали к железнодорожному составу. Абу удивленно посмотрел на отца — а где же красивые вагоны с окошками, куда он хотел смотреть, пока они находились бы в пути. «Это потому, когда вырастешь», — горестно усмехнулся Меду.

Путь в ссылку продолжался 40 дней. Абу хорошо помнит эти черточки, которые выцарапывала Бичи на стене вагона. Когда кто-то умирал, Бичи черточку делала в два раза толще. И таких черточек было десять. Одного умершего — годовалого мальчика — его мать сумела спрятать в самом холодном углу вагона и предала земле, уже когда прибыли в Караганду.

В вагоне на всем пути следования было холодно. Правда, была буржуйка, дрова для которой на каждой остановке добывали правдами и неправдами парни из их вагона. Абу спасало пальто. Добротное: драповое, на ватине и с цигейковым воротником. Ему, как ребенку из многодетной семьи, эту одежду выделил родительский комитет. Абу это пальто ненавидел, уж слишком оно было тяжелым и неудобным.

Нельзя сказать, что в пути все голодали. Еда была. Но никогда Абу не наедался вдоволь, есть хотелось постоянно.

— Караганда! Вылезай, враги народа, приехали! — в раскрытые двери вагона врывался холодный ветер, швыряя в лицо охапки колючего снега. Даже не верилось, что на календаре конец марта.

— Караганда, Караганда, — перекатывал во рту, как гладкие камешки, незнакомое слово Абу. Он шел, утопая в глубоком снегу, цепляясь за полу плюшевого жакета одной из сестер. Пальто опять стало тяжелым и мешало идти.

Все было чужим и незнакомым. Завели в какое-то здание. Мало кто из прибывших знал русский язык. Стали искать толмача, переводчика. Абу взглянул на отца — Меду знал русский и даже мог читать, но сделал вид, что не слышит. «Значит, не хочет быть толмачом», — понял Абу. Обычно деятельный и общительный, умевший разрешить любой спор, попав в непривычную для него обстановку, Меду замкнулся в себе, редко вступал с односельчанами в разговор. Больше отмалчивался.

Его даже не обрадовало, что в расчете на число членов семьи спецпереселенцев было выделено по 20 метров мануфактуры для пошива одежды, а также домашней живности — по паре коров, десятку баранов, одной лошади. Вернее, выдали на три семьи в одном хозяйстве (старшие сыновья уже имели своих детей). Но за скотиной смотрели сообща.

Некоторые были уверены, что через месяца три-четыре в Москве разберутся, что ошиблись, отправив в ссылку народ, и всех вернут домой. А потому стали резать скотину. Меду, узнав, что один из его сыновей тоже хотел зарезать корову, запретил это делать.

— Не вернут нас домой, все это пустой хабар (по-чеченски — разговор). А корова — кормилица. С голоду не помрете, выживете, — сказал он старшему сыну. Только приказал, как наступит лето, всем заняться заготовкой кормов для скотины. И поручил старшему сыну следить за этим. Тебيرا, жена Меду, присутствовавшая при этом разговоре, сказала одной из дочек, что, видно, Меду долго на чужбине не проживет, если заранее задание раздаст — что кому делать. «Не его это земля». Так и получилось. Медуевы переехали в поселок Осакаровский, что в ста километрах от Караганды. Это было первое постоянное жилье после дома в Бено-Юрте. Меду вроде бы и не болел, но как-то тихо угас. И главной в семье стала Тебيرا.

Еще в Караганде, сразу, как их выгрузили из телячьих вагонов, детей стали перепосиживать. Это поразило и настрожило мальчика и его родителей: прошел слух, что всех будут отправлять в детские дома.

— Ну что вы! — успокоила их светловолосая улыбчивая женщина. — Пока вас не развезли по районам, мы составляем списки детей, которых летом будем отправлять в пионерские лагеря.

Когда настало лето, детей спецпереселенцев действительно стали отправлять в пионерские лагеря. Один такой лагерь находился в шахтерском поселке Тихоновка. Дети ходили в походы, купались на речке, пели у костров песни. Кормили хотя и скудно, но четыре раза в день. Некоторые одноклассники Абу уже провели в лагере одну смену. Мальчик с нетерпением ждал своей очереди. Но когда к ним пришла женщина с путевкой для Абу, то Тебيرا сказала, что ее сын уже взрослый и негоже ему валяться на песке на берегу речки и петь песни у костра. Им нужно строить дом, а для этого нужно зарабатывать деньги.

Ему исполнилось 13 лет, когда он, работая в совхозе, получил свою первую зарплату. Рано утром он приходил на полевой стан, запрыгал в волокушу бычков и ездил по полю, собирая солому.

Вначале его сверстники посмеивались над ним, называя бычьим начальником. Но когда в конце лета на свою зарплату и на премию, которую ему выписали за «ударный труд на волокуше», он купил себе велосипед, то шутников поубавилось.

Абу и сейчас, вспоминая свою первую транспортную единицу, говорит, что рад был велосипеду больше, чем, когда, вернувшись из ссылки, уже в Грозном купил «ГАЗ-24».

— Поселок Осакаровка был самым интернациональным на территории Казахстана, — считает Абу. — Греки, мордвинцы, русские, немцы, крымские татары, чеченцы, ингуши, уйгуры, эстонцы, литовцы. Было и два казаха. И оба они работали в милиции.

Он вспоминает, что сначала их большая семья жила в бараке.

— На главной улице поселка была артель «Прогресс». Во дворе ее — конюшня и швейный цех, к нему притулились две комнатухи, которые и стали нашим домом. Теснота невероятная. Напротив, дверь в дверь, жила Мальвина, сыльная из Литвы. В лагерях ее пытали, потому что она работала во время оккупации у немцев в администрации. Пытали так, что сломили бедро, кости срослись неровно, из-за этого Мальвина стала кособокой и сильно хромала. К нам, спецпереселенцам, относилась с особой любовью. Сталина ругала только с применением ненормативной лексики, не боялась, что кто-то на нее донесет, — вспоминает Абу. И добавляет, что не доносили, потому что вокруг все были сыльные, которые так же, как и Мальвина, пострадали от «усатого горца».

Абу после того, как стал работать, перестал посещать школу. Он рано повзрослел. И что случается в чеченской семье крайне редко, в 17 лет, опередив старших братьев, Абу женился, чем привел в шоковое состояние Тебису. Работая в совхозе, много не заработаешь, и Абу стал шахтером.

— Трудно было не физически, а как-то неуютно, — вспоминает он шахтерские будни. — Все-таки мы южане, нам нужно больше света, воздуха. Заработал деньги, на дом хватало, но только на дом. И я решил попробовать открыть лимонадный цех. Получилось. Я понял, что есть у меня организаторские способности. Потом пекарню открыл!

Все наладилось. И когда в 1957 году чеченцам и ингушам было разрешено вернуться на родину, то мне жаль было бросать свое дело. А больше всего жаль было оставлять своих друзей, с которыми за эти годы ссылки мы стали как родные. Хотя и здесь, дома, у меня все пошло нормально, — говорит Абу.

Я вот думаю: почему в Осакаровке была такая доброжелательная атмосфера? Наверное, потому что мы все были лишены всего в один миг. И привезли нас сюда, на край света, чтобы мы пытались выживать. А мы, взявшись за руки, все вместе просто жили, помогая друг другу, поддерживая друг друга, радуясь друг другу. Поэтому и не торопились возвращаться на свою родину, опасаясь, а вдруг там все по-другому. Беда, она, знаете, очень сближает людей, — размышляет Абу.

Сейчас Абу живет в своем родном селе Бено-Юрт, куда я звонила ему чтобы проверить детали этой истории, которую рассказал его сын — Султан Медуев, родившийся в ссылке. Многие изменилось, но, как это ни странно, память о годах ссылки, отшелушившая все горести и невзгоды, оставляет то, что особенно дорого сегодня ему на склоне лет — доброту и искренность в отношениях людей.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

1. «Цех и пекарня были открыты в условиях действовавшей тогда потребительской кооперации. До конца 1950-х годов кооперация — продолжала существовать. «Кооперация в России — неустраиваемый опыт». Наука и жизнь, 2003 №5

На снимке: Абу Медуев в 2019 году.
Фото автора

гие правозащитные организации на Северном Кавказе. Он напомнил об угрозах и нападениях на отделения «Мемориала» в Дагестане и Ингушетии, также связанных с делом Титиева. Петр Заикин уточнил, что дело Титиева во многом было вызвано тем, что именно Оюб Титиев был источником информации о многочисленных нарушениях прав человека в республике. «Для чеченской полиции Оюб был головной болью, поскольку через него адвокаты, журналисты, правозащитники узнавали о реальной ситуации в Чеченской Республике», — отметил Заикин.

Марина Дубровина напомнила о словах Рамзана Кадырова, сказанных в 2018 году, о том, что после окончания дела Титиева территория Чечни будет закрыта для правозащитников.

Контекст, впрочем, не замедлил проявиться на самой пресс-конференции, когда корреспондент ЧГТРК «Грозный», формально взявший микрофон, чтобы задать вопрос, стал намекать, что интерес к делу Титиева среди западных журналистов и дипломатов возник из-за того, что это «связано с именем Кадырова, с Чеченской Республикой». При этом он хвалил Чечню как «самый безопасный регион России», не забыв упомянуть, что сам Оюб Титиев — «хороший и благодарный человек».

Илья Новиков в ответ заметил, что с Кадыровым это дело действительно связано, поскольку именно после его выступления по этому делу стало окончательно понятно, что эта история — не «низовая инициатива» и Кадыров ее одобряет. Что касается Титиева и наркотиков, то адвокат напомнил о показаниях почти двух десятков пожилых односельчан Оюба Титиева, категорически отрицающих саму возможность того, что он употреблял наркотики. «На востоке слово пожилого человека — очень сильное». Что же касается «безопасного города», то Орлов напомнил о разгроме среди бел дна офиса «Комитета против пыток» в Грозном.

Рейчел Денбер также отметила, что дело Титиева получило широчайшую международную огласку: им занимались ООН, Совет Европы, президент Франции Эммануэль Макрон, Московский механизм ОБСЕ и даже ФИФА. «Была надежда на то, что подобные заявления и выступления, может быть, будут как-то воздействовать. Мы еще надеемся, что они смогут воздействовать», — сказала она, заметив, что государство при желании может в любой момент прекратить дело Титиева.

Олег Орлов также отметил важность внимания к процессу Титиева со стороны западных дипломатов. «Это внимание «строит» чеченские власти, судебно-следственный аппарат, полицейских», — сказал он. Орлов уточнил, что международная поддержка важна и для самого Титиева: «Ему важно понимать, что его позицию разделяют в мире».

Что касается планов ПЦ «Мемориал», то Олег Орлов отметил в интервью корреспонденту «30 октября», что после ряда насильственных акций против сотрудников «Мемориала» и угроз в их адрес («нам пришлось вывозить наших сотрудников из Чечни, а некоторых — даже на какое-то время из России») офиса «Мемориала» в Чечне больше не существует. «Но это не значит, что мы прекратили работать в Чечне. Работа продолжается, но в иных формах», — отметил Орлов.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимке: Оюб Титиев слушает приговор.
18 марта 2019 года.
Фото Дмитрия Борко

ПОДРАССТРЕЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ ПЕДАГОГА НИКОЛАЯ КОРОТКОВА

В фондах Сталинградского губернского суда Государственного архива Волгоградской области автор статьи обнаружил весьма ценное для историков уголовное дело. Обвиняемым в организации контрреволюционного восстания в станице Усть-Хоперской Донской области был педагог Николай Коротков. Как оказалось, историкам Общедонско-го антибольшевистского восстания 1918 года это имя неизвестно.

19 ноября 1924 года в станице Северской Кубанского округа (современный Краснодарский край) проходил очередной районный съезд учителей. В президиуме сидел известный в округе педагог Николай Силович Коротков. Судя по протоколу мероприятия, он несколько раз выступал перед аудиторией: рассказывал о своих педагогических инновациях, говорил о необходимости общественной работы в школе. Съезд закончился торжественным вручением представителям районной партийной верхушки знамени, на котором золотой вязью был вышит призыв: «Ни шагу от РКП(б)!». Вручал знамя почетный учитель Коротков. Николай Силович вышел в центр сцены и сказал «короткое слово» (по протоколу): «Товарищи, рад признать, что взаимоотношения между партией большевиков и учительством установились вполне. И теперь необходимо в повседневной нашей работе осуществлять заветы Великого Учителя! Раздались аплодисменты. Делегаты съезда выдвинули для поступления в партию «двух видных своих членов»: учительницу Марию Сатину и Николая Короткова, «проявивших себя еще задолго до съезда своей преданностью партии и общественной работой».

«Появление на сцене учителей, будущих членов партии, вызвало дружные и неумолкаемые аплодисменты», — говорится в протоколе съезда.

Николай Силович Коротков в станице Азовской появился в конце 1920 года. До 1926 года он работал сразу в двух местах: совмещал должности заведующего школой и воспитателя в детском доме. В голодный 1922 год он организовал огород, который принес обильный урожай. Благодарные коллеги за организацию и «правильное ведение» огорода детского дома ходатайствовали перед районным инспектором Пильдуниним о премировании Короткова десятью процентами от полученного с огорода урожая. Чиновник согласился с оценкой, данной учителями Короткову, но выдавать ему премию запретил.

«К делу относился с рвением и заслужил от населения известный авторитет. Жалоб со стороны населения о неправомерных действиях по отношению к ученикам не было, и такие им вполне довольны. В контрреволюционных выступлениях замечен не был и два раза, как активный и школьный работник, населением избирался в члены сельского совета, был избран членом ревизионной комиссии. С 1924 года избирался делегатом на районные и окружные съезды Советов, во время праздников выступал с приветственными докладами», — говорится в характеристике, данной Короткову местной партийной организацией.

«За время службы в станице Азовской на должности заведующего школой товарищ Коротков проявил максимум энергии к проведению в жизнь школьного дела, а равно и ликвидации безграмотности. Призывал, чтобы к десятой годовщине Октябрьской революции в станице не осталось ни одного неграмотного... Вел себя безупречно», — говорится в протоколе общего собрания граждан (150 человек) станицы Азовская от 10 июля 1926 года.

«Учитель Коротков использует такие методы в своей работе, что учебная работа легко превращается в

праздник... Он нам часто говорил: «Вникайте в общественную работу», — значит, в отзывах учеников Азовской школы.

«От хлебобобов ему [Короткову] выражаем полное доверие... На праздниках во время своих выступлений Коротков всегда говорил о необходимости ведения правильного сельского хозяйства, о благоустройстве станицы, призывал к вербовке новых членов в общественные организации... Он явный сторонник Советской власти», — утверждалось в протоколе собрания хлебобобов станицы Азовская.

Что же случилось с Николаем Коротковым? Почему его не было на этом суде? 14 января 1927 года вышло распоряжение о переводе его в Сталинградский губисправтрудоом. Но Коротков исчез. Можно ли говорить о победе? На этот вопрос архивные документы не дают ответа.

Николай Силович был членом всех существовавших тогда в округе общественных организаций: ОСОАВИАХИМ, ОДН («Долой неграмотность»), Профессионального союза работников народного образования и науки, Общества крестьянской взаимопомощи и кооперативного общества. Об успехах педагога и общественного деятеля Николая Короткова информировали местные и окружные газеты.

ДЕПУТАТ ПЕРВОГО БОЛЬШОГО ВОЙСОВОГО КРУГА

Газетная шумиха вокруг общественно-педагогических успехов Николая Короткова застала усть-хоперского большевика Дмитрия Никифоровича Учакина в Ростове-на-Дону, где он в то время работал. Именно он первым сообщил в ОГПУ об участии Николая Короткова в Общедонском антибольшевистском восстании в станице Усть-Хоперской в апреле 1918 года.

«Знаю его [Короткова] не понаслышке, а по результатам его преступной деятельности, будучи одной из жертв белого террора... Он [Коротков] остается пока безнаказанным за свою контрреволюционную деятельность... Он, укрываясь на Кубани, вошел в доверие Советских организаций и партии», — такими словами начал свое послание товарищ Учакин.

Дмитрий Никифорович сообщил, что Коротков появился в станице Усть-Хоперской в 1910 году. Приехал он из Закаспийского края, где работал учителем в Ашхабаде и в крепости Кушка. Учакин заявил, что в станице ходили слухи, что Коротков был провокатором и осведомителем в охранке, что он якобы «провалил некую социал-демократическую организацию и за это получил деньги». На эти «грязные деньги предатель» построил в Усть-Хоперской большой дом и завел аптеку.

«Я в 13 лет работал на постройке его дома. Лично познакомился с Коротковым. Он называл себя «титулярным советником» в договорах. Недоплачивал рабочим и завышал цены на медикаменты, выписывал «Биржевые ведомости», — вспоминал Учакин.

По данным доносителя, Коротков работал в станице Усть-Хоперской учителем. При этом он «научал [учеников] терпению, преданности существующему строю». Когда нача-

лась Первая мировая война — выступал за войну до победного конца. Разговоры же о сепаратном мире «вызывали у него бурю негодования по адресу РКП(б)». Февральская революция «содействовала выходу Короткова на сцену политической деятельности». Он стал депутатом Первого Большого Войскового круга от партии кадетов, «а не эсеров, как считали многие». По утверждению Учакина, в сентябре 1917 года атаман Каледин якобы дал указание Короткову готовить восстание в станицах Усть-Хоперской, Вешенской, Еланской, Усть-Медведицкой и дру-

Учакин рассказал, что в первый же день восстания в станице были арестованы 25 приверженцев большевизма. Их отправили в тюрьму хутора Большой. В течение пяти дней восставшие усть-хоперские казаки, вооруженные в основном вилами и колющими, разбили красный отряд Миронова и препроводили в свою тюрьму еще несколько десятков пленных красноармейцев. Многих из них казнили (ГАВО. Ф. 282 сч. Оп. Зс. Д. 64. Л. 111–112), остальных, включая Дмитрия Учакина и его сестру Акулину, отправили под конвоем в Новочеркасскую тюрьму. Коротков во время восстания находился в Усть-Хоперской.

Он, по словам Учакина, выступал на станичных сходах, выезжал на хутора, где агитировал против советской власти. Коротков призывал в том числе к высылению за пределы Донской области всех иногородних, «прямо или косвенно связанных с советской властью», требовал расказачить, лишив земельных наделов, тех казаков, кто поддержал большевиков (в качестве примера он привел репрессированных казаков Скачкова и Толочачева).

В вину Короткову доноситель вменял и его призыв к отделению Донской области от России. Во время первого наступления красных

существовала на станичном съезде 25 апреля («на пятый день Пасхи») 1918 года и прекрасно помнит, что там происходило. Так, после призыва к восстанию мельника Гаврилова «Коротков поднял руку и говорит: «Господа, пришло время нам встать в защиту Тихого Дона, есть оружие, чтобы встать против этой красной сволочи». После Короткова выступил Борисов. Он сказал, что у казаков забирают землю. Все закричали — к восстанию. К мятежу призывал и [генерал] Голубинцев. На его плечах было накинуто пальто, а под пальто на кителе виднелись погоны. Старики бросились его целовать. На другой день станичники вооружились пиками, вилами, лопатами и винтовками и пошли на Усть-Медведицкую в бой с мирноновцами», — вспоминала женщина.

В день мятежа по распоряжению Короткова были арестованы ее сын и дочь. Женщина просила Короткова, чтобы тот освободил ее детей: «Палада ему в ноги со слезами, но Коротков сказал: «Этих сволочей нужно расстрелять», но не расстрелял, а отправил их в Новочеркасск». По свидетельству Варвары Учакиной, Николай Силович был членом Войскового круга и военно-полевого суда. Он, по заверениям женщины, был причастен к расстрелам как минимум 45 красноармейцев. Свидетельница также сообщила, что когда в 1920 году дом Короткова сорел, то в его подвале станичники обнаружили сундук, «в котором находились ценные вещи Короткова и документы его штаба с его подписями». Все эти документы были переданы в милицию.

По делу Короткова был допрошен и бывший его коллега, тридцатилетний учитель слободы Петровской Обливского района Митрофан Кулешов. Он также участвовал в станичном съезде Советов в тот роковой день. Кулешов подтвердил показания Учакиной: Коротков призывал казаков к вооруженному восстанию против советской власти, был членом военно-полевого суда штаба Голубинцева.

«Вообще Коротков представлял собой личность с самыми злыми намерениями и предубеждениями к Советам», — заявил свидетель.

По делу Короткова следователи милиции и ГПУ допросили еще девять свидетелей, жителей станицы Усть-Хоперской. Все они обвиняли Николая Короткова в деятельности организации антибольшевистского восстания в их станице.

«НЕ ЗНАЮ, ЧТО ТАМ ЗА ТРИ ГОДА МОГЛО ХРАНИТЬСЯ В ПОДВАЛЕ»

На допросе пятидесятилетний Николай Силович Коротков виновным себя не признавал. По списку обвинений дал короткие пояснения. Так, аптекой он не владел. Аптечный магазин принадлежал его жене. Большой дом он построил на деньги тестя. Генерала Голубинцева он не знал, «только слышал о нем», военных отрядов не организовывал. «Восстание произошло не в станице Усть-Хоперская, а в хуторах из-за недовольства дележом земли. Казаки шли против немцев, а не против Советов, так как появились слухи о производимых немцами грабежах [в Донской области и на Украине. Примеч. В.Я.], — выдвинул свою версию Коротков по поводу событий восьмилетней давности.

Позже восстание в станице Усть-Хоперской произошло по решению схода, в работе которого обвиняемый, по его словам, участия не принимал. В ряды же восставших он попал в ходе мобилизации. Но в боях с красными он не участвовал, так как его выбрали делегатом в Войсковой круг как члена комиссии по строительству школы в Усть-Хоперской, и Коротков убыл из станицы в Новочеркасск. Прошло несколько собраний по строительству школы, другие вопросы члены комиссии, по словам Короткова, не обсуждали.

«Ни на какие хутора и станицы я не выезжал с агитацией, списков о

Коротков вошел в отряд генерала Адриана Гусельникова. При этом учитель-кадет, по данным Учакина, вооружил сотню казаков оружием, «взятым из его подвала». Вернулся «идеолог восстания» в Усть-Хоперскую в июне 1919 года. Занялся тем же: агитацией и арестами сочувствующих большевизму граждан. В декабре 1919 года Коротков бежал с частями денкинцев на Кубань и там, «вооружившись партбилетом, прикрывшись маской преданности, [Коротков] работал и считался левым гражданином Советской республики, против которой [он] боролся. Виновен беспорочно», — поставил точку в своей истории ростовский большевик Дмитрий Учакин.

НУЖНЫ ЖИВЫЕ ФАКТЫ

Карательные органы со всей серьезностью отнеслись к доносу ростовского коммуниста. 5 июня 1926 года Николай Коротков был препровожден в Северскую милицию и после первого допроса посажен под домашний арест. 21 июня ему было предъявлено обвинение в организации контрреволюционного восстания по статье 58-2 Уголовного кодекса РСФСР. При этом на оборотной стороне листа обвинительно-го заключения стояла резолюция: «Понаслышке доводы не соответствуют действительности. Нужны живые факты». В связи с тем, что «пробывание его на свободе не может отразиться на ходе следствия», домашний арест ему заменили на подписку о невыезде из станицы Северской.

Интересен тот факт, что за Короткова сразу же поручились его коллеги — северские учителя Марианна Филиппова, Елена Кирсанова и Федора Короткова. Поручились своим имуществом (следователь описал их имущество 24 августа). Женщины попросили агентов ОГПУ позволить Короткову продолжить выполнять его обязанности в Северской школе.

Дело №35 стало заполняться протоколами допросов свидетелей, обвиняемых и положительными отзывами о Короткове с места жительства и работы.

Одной из первых следователь опросил мать ростовского коммуниста — шестидесятидвухлетнюю жительницу станицы Усть-Хоперской Варвару Учакину. Женщина дополнила рассказ сына. Она сообщила, что при-

Дмитрий Учакин.

выселении граждан из пределов Дона не составлял и совершенно не слышал про это. Уехал из станицы в декабре 1918 года. Пожар в доме случился в 1920 году. Не знаю, что там за три года могло храниться в подвале в сундуке», — заявил на допросе Николай Коротков.

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ПОДОЗРЕВАЕМЫХ

26 октября 1926 года в качестве обвиняемых по делу организации антибольшевистского восстания в станице Усть-Хоперская вдобавок к Короткову были привлечены еще несколько подозреваемых, на которых указали свидетели. За решетку отправился помощник народного судьи восьмого участка станицы Вешенской пятидесятидвухлетний Иван Андреевич Пономарев. Во время восстания он был атаманом станицы Усть-Хоперской, участвовал в сходах, агитировал против советской власти, проводил мобилизацию казаков, формировал повстанческие отряды (ГАВО. Ф. 282 сч. Оп. 3с. Д. 64. Л. 292). Помощником атамана был писарь Федор Денисович Никуличев. Его обвиняли в прове-

дении мобилизации станичников и составлении списков и учета иногородних, подлежащих выселению за пределы Донской области. Он председательствовал на всех антибольшевистских станичных сходах.

В конвое Голубинцева в то время служил Никита Никитович Коньков, проводивший обыски и аресты. При этом Коньков, по показаниям свидетелей, проявлял жестокость к арестованным. Сорокапятилетний Василий Андреевич Тютюнщиков был начальником станичной тюрьмы и конвоя, вернулся в родную станицу из эмиграции в 1925 году. Тридцатилетний Александр Федорович Пархоменко, бывший поручик, в повстанческой армии Голубинцева командовал сотней. Тридцативосьмилетний Павел Филиппович Атанов, бывший вахмистр, также командовал сотней, в 1920 году вернулся в родную станицу из Польши. Станичный священник Василий Васильевич Финлянский во время весенних молебнов в 1918 году призвал прихожан к восстанию против власти «красного Антихриста». (ГАВО. Ф. 282 сч. Оп. 3с. Д. 64. Л. 225, 293). И семидесятичетырехлетний Конон Тимофеевич Шелкогонов (сын его был в адью-

тантах у Голубинцева) должен был ответить за активные выступления против большевиков во время многочисленных апрельско-майских станичных сходов 1918 года. Хотели также привлечь к делу учителя Вересина, дьякона Иевлева и священника Попова. Но последний давно скончался, а учитель с дьяконом «находились неизвестно где».

Все обвиняемые, кроме Николая Короткова, оказались в Сталинградском исправтрудоме. 22 сентября 1927 году в слободе Михайловке прошло выездное судебное заседание по их делу — все обвинялись по статье 58-4 Уголовного кодекса. Пономарев, Пархоменко, Тютюнщиков и Атанов получили по четыре года лишения свободы с поражением гражданских прав на пять лет. Финлянский, Никуличев и Коньков — по три года лишения свободы. А старика Шелкогонова, «как невинного обществу, с предупреждением впредь» освободили от ответственности. Амнистия в честь десятилетия Октябрьской революции коснулась Никуличева, Конькова и Пархоменко. 15 марта 1927 года они получили свободу. Остальным в амнистии было от-

казано. 29 апреля 1998 года прокурор Волгоградской области всех этих граждан реабилитировал.

А что же случилось с Николаем Коротковым? Почему его не было на этом суде? 14 января 1927 года вышло распоряжение о переводе его в Сталинградский губисправтрудом. Но Коротков исчез. Можно ли говорить о побеге? На этот вопрос архивные документы не дают ответа. Следственные органы обнаружили Короткова в 1929 году в Адыгейской (Черкесской) автономной области. В ауле Панахес Тахтамукаевского района Николай Силович занимался своим любимым делом — учил детей. Он организовал в ауле пионерскую организацию, «работавшую в увязке с ячейкой ВЛКСМ», принимал активное участие во всех пролетарских праздниках и давал советы жителям аула по различным юридическим вопросам. 21 декабря 1928 года в своем докладе о работе школы за первое полугодие Николай Коротков высказался по теме «Что дала Октябрьская революция рабочим и крестьянам». Проверившие школу районные инспекторы обнаружили, что дети выпускного класса «свободно ориентируются по карте СССР и прочно овладели арифметикой». Они сделали

вывод, что «метод Короткова современен». Следователи снова получили от местных жителей самые положительные отзывы о Короткове. Но это не помогло беглому учителю.

В октябре 1929 года его арестовали и поместили в Краснодарский исправдом. 14 марта 1930 года он этапом из Краснодара прибыл в Сталинградский окрдомзак. 17 апреля суд приговорил его к расстрелу. В тот же день он написал кассацию, в которой выражал свое несогласие со столь суровым приговором. Коротков писал о том, что осознал свою вину и вполне исправился, о чем говорят многочисленные положительные отзывы о его работе учителем. 30 апреля Кассационная коллегия по уголовным делам Нижневолжского краевого суда учла заслуги и смягчающие обстоятельства осужденного учителя и заменила ему высшую меру наказания пятью годами лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях страны. Такое сплось и рядом практиковалось до 1930-х годов.

Вячеслав ЯЩЕНКО,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

РЕГИОНЫ

30 ЛЕТ ХИБИНСКОГО «МЕМОРИАЛА»

19 февраля 2019 года в Кировске, в офисе Хибинского «Мемориала», состоялось собрание членов общества, посвященное 30-летию его создания.

В своих воспоминаниях Леонид Леонидович Лазутин, профессор КНЦ РАН, писал: «Летом, в июле-августе 1988 года, в Москве группа молодых ребят, членов клуба «Демократическая перестройка», решила выступить с инициативой создания памятника жертвам сталинских репрессий. При этом поставить этот вопрос по-новому — не писать прошения Горбачеву или в ЦК, как было принято, а создать Общественный совет «Мемориал», который выступил бы от своего имени. Думаю, что название «Мемориал» возникло потому, что слово «Память» уже было использовано. Новость эта стала известна и у нас в Апатитах, и где-то в сентябре 1988 года я повесил в городе 3–4 желтка-объявления с приглашением желающих собраться для создания Хибинского отделения общества «Мемориал».

В актовом зале Геологического института пришло около 100 человек. Сотрудники КНЦ РАН, жители Апатитов, Кировска, Полярных Зорь, Кандалакши и среди них — родственники репрессированных, дети и внуки спецпереселенцев.

Собрание проходило активно и в неформальной обстановке. После нескольких выступлений Леонид Леонидович Лазутин призвал принять следующее решение:

- учредить Хибинское отделение общества «Мемориал»,
- считать всех собравшихся членами общества,
- избрать Л.Л.Лазутину председателем,
- всем, кто собирается активно участвовать в работе общества, записаться в руководящий орган — совет общества Хибинский «Мемориал».

Информацию о создании общества поместили в газетках «Кировский рабочий» и «Комсомолец Заполярья». Из присутствующих на собрании членами общества стали 59 человек. В совет «Мемориала» пришли прекрасные люди, которых и следует считать настоящими создателями нашего общества.

Александр Наумович Штейнберг, ученый, окупался с головой во все мемориальские, сомнительные с начальной точки зрения меро-

приятии. Левоник Арутюнян стал активным участником «Мемориала» и мотором всего апатитского демократического движения. Лена Балаганская была душой нашей команды и участвовала во всех наших делах, несмотря на большую занятость на работе.

Таня Рюнгенен вела организационную работу вместе с Галей Петренко и Екатериной Торопушиной, они вели на перфокартах записи воспоминаний жертв выселения — раскулаченных крестьян, реабилитированных членов общества, разработав специальную анкету. Впоследствии эти воспоминания вошли в наши книги «Память неподвластна времени» и «Воспоминания потомков», выпущенные в 2015 и 2017 годах.

Полина Беспрозванная вела всю колоссальную работу по изданию нашей газеты «Котлован». Выпущено было 11 номеров. Ее читали Андрей Сахаров, Юрий Афанасьев. Воспоминания печатались в «Котловане», а позже Феликс Феликсович Горбачевич получил грант и издал их отдельной книжкой «Спецпереселенцы в Хибинах».

Апатитский художник Николай Владимирович Владимиров оформлял наши выставки. Андрей Матвеев, самый молодой из нас, составлял карту хибинского ГУЛАГа и активно участвовал в сборе воспоминаний.

Вне «Мемориала» было много людей, нам помогавших и поддерживавших. Например, деревянный Мемориальный Крест был бесплатно изготовлен в 1989 году плотниками филиала МАГИ и установлен на горе на 16-м километре. На нем была табличка памяти жертв репрессий, но в 1990 году ее похитили.

30 октября 2005 года рядом с крестом был установлен памятный знак из отполированного габбро-диабазы. На отполированной стороне были выбиты изображение свечи, обвитой колючей проволокой, и текст: «Меня не будет, но настанет день, когда о нас, тружениках невинных, вспомнят и будут жалеть нас». Автор строк — Павел Никитович Ковалевский. В 2007 году Кировские власти решили обновить наш Крест. На церемонии присутствовали все правители города, митрополит Архангельский прочел молебен. Повторили наш текст посвящения, только подпись «Мемориала» убрали... В июне 2014 года был изготовлен новый крест при содействии администрации Кировска.

Своей главной задачей наше общество считало установить правду о репрессиях и провести соответствующую работу по реабилитации жертв террора, по скорейшей и полной реабилитации спецпереселенцев и возмещению им ущерба.

В 1989 году 18 февраля окончательно было сформировано Хибинское историко-просветительское общество «Мемориал». Его устав был направлен в Мурманский областной Совет депутатов и 14 июня 1989 года зарегистрирован.

В следующие годы шло становление общества. Когда был создан Минюст Мурманской области, им был официально зарегистрирован устав общества 16 июня 1999 года под №1269 со следующим названием: Кировско-Апатитская региональная общественная организация Хибинское добровольное историко-просветительское общество «Мемориал». Общество обязали представлять ежегодный отчет о работе до 1 апреля. В 2013 году Минюст прислал письмо с указанием, что необходимо пересмотреть устав и заменить в названии общества слово «региональная» на «районная». С новым названием оно было зарегистрировано 26 февраля 2014 года.

Ежегодно 30 октября члены Хибинского «Мемориала» проводят памятные мероприятия в День памяти жертв политических репрессий. Они проходят у Креста на 16-м километре и укладного камня на улице Кондрикова.

Впоследствии у нас стали отмечать «местную» дату: 14 марта 1930 года — прибытие в Кукивумчор первого эшелона раскулаченных (спецпереселенцев) в количестве 918 человек.

В 2008 году В.К.Ковалевским была организована конференция, посвященная 20-летию Хибинского общества «Мемориал». По ее результатам им была создана книга: «Хибиногорск. Память сердца».

Идет работа по фиксации воспоминаний, издаются книги и сборники, проходят выставки, снимаются документальные фильмы. Так, А.С.Еремеев участвовал в кинофестивале «Северный характер» в Мурманске, где представил свой фильм «Уходя, оставьте свет». Фильм посвящен памяти жительницы Апатитов, заведующей библиотекой, которая носит теперь ее имя, Л.А.Гладиной, дочери раскулаченных родителей, сосланных в Кировск.

Обществом были разобраны архивы и создан список «Невозвращенные имена» — это имена и фамилии раскулаченных и жертв репрессий, которых нет в Книгах памяти и списках жертв политического террора в России. Список печатался в газете «Кировский рабочий».

Еще в начале 2000-х прошли походы по местам так называемой стройки 509-го километра. Так на этом маршруте при Сталине было задумано строительство железной дороги Ревда—Июканьга. Во все школы Апатитов и Кировска была отправлена по электронной почте директорам школ программа Всероссийского конкурса «Человек в истории. Россия — XX век». З.Я.Малыгина собрала в Кировске воспоминания жителей и издала несколько книг: «Дети барачников», «Мы родом из детства», «Наивные рассказы», «Память уходящей эпохи», «Не жалею, не зову, не плачу» (стихи), «Живая история», «Зажиги свечу».

Только тех, кто помнит эти тяжелые дни своего детства, становится все меньше. Членами общества в обоих городах ежегодно прово-

дятся беседы, посвященные памятным датам, организуются тематические встречи со специалистами соцзащиты и Пенсионного фонда, в результате которых появляется новейшая информация по защите прав жителей-спецпереселенцев.

В списках реабилитированных на 1 апреля 1996 года числились по Апатитам 457 человек, а на 16 апреля 2018 их было уже 312. Возраст — от 70 до 90–95 лет. Это уже жители второго поколения — дети и внуки первых жертв спецпоселения — тех, кому за 90–95 лет. По постановлению правительства они получают в настоящее время региональную единую современную надбавку в размере 103,14 рублей. Федеральная надбавка была отменена.

Ирина ХИЩЕНКО,
Апатиты

На снимке: Члены Хибинского «Мемориала» на лестнице, идущей по холму на 16-ом км дороги Апатиты — Кировск, где установлены Памятный крест и стела.
Фото Александры Романовой

АПРЕЛЬСКИЕ И МАЙСКИЕ ХРОНИКИ

1919. 12 апреля
Декретом ВЦИК РСФСР было утверждено «Положение о революционных трибуналах», которое явилось попыткой упорядочить сеть чрезвычайных судебных органов, складывавшуюся полустихийно. С этого момента их следовало создавать преимущественно в губернских центрах. «Положение о революционных трибуналах» подтверждало их «ничем не ограниченное право в определении меры репрессий». Революционные трибуналы, наряду с ВЧК и местными чрезвычайными комиссиями, являлись органами, осуществлявшими красный террор.

1924 г. 21 апреля
Постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) была утверждена комиссия ЦК ВКП(б) по проверке выездов за границу. Партийные органы всех уровней осуществляли жесткий контроль за выездом советских граждан за рубеж вплоть до 1988 г. Все граждане СССР, включая беспартийных, в том числе выезжающие по личному приглашению или в турпоездку, должны были предварительно получить характеристику-рекомендацию партийного бюро той организации, где они работали, а затем утвердить ее в районном комитете партии. Граждане, выезжающие в служебные командировки в капиталистические страны, кроме того, проходили собеседование в ЦК КПСС. В 1970-е годы необходимость получения партийной характеристики распространялась и на школьников, включая первоклассников.

1929. 23 – 29 апреля
На XVI конференции ВКП(б) был осужден «правый уклон» в партии и названы его сторонники — глава советского правительства А.И.Рыков, председатель исполкома Коминтерна и редактор газеты «Правда» Н.И.Бухарин и председатель ВЦСПС М.П.Томский (все трое — члены Политбюро ЦК ВКП(б)). Внутривластная борьба между группами Сталина—Молотова—Кагановича и Бухарина—Рыкова—Томского закончилась победой Сталина, который в конце 1929 г. был провозглашен вождем партии. В августе 1936 г. в ходе судебного процесса «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» Г.Е.Зиновьев и Л.Б.Каменев неожиданно стали давать показания о причастности Томского, Рыкова, Бухарина к контрреволюционной деятельности. Томский застрелился, Рыков и Бухарин были расстреляны.

1939. 15 апреля
В Москве был расстрелян Дмитрий Иванович Шаховской — ученый-историк, общественный деятель, один из основателей и лидеров созданной в 1905 г. Конституционно-демократической партии (кадетов). В ходе следствия он был вынужден — по воспоминаниям сокамерников, следователи заставляли его сутками стоять без сна — написать заявление с признанием собственной вины в контрреволюционной деятельности, но отказался давать показания о какой-либо нелегальной работе и свидетельствовать против других лиц.

1964. 17 апреля
В СССР состоялись помпезные торжества по случаю 70-летнего юбилея главы советского государства Н.С.Хрущева. Одновременно верушка ЦК КПСС готовила заговор против «дорогого Никиты Сергеевича» (апологетический фильм с таким названием был выпущен к юбилею Хрущева). В октябре 1964 г. заговор был приведен в исполнение.

На пленуме ЦК Н.С.Хрущев был освобожден «по состоянию здоровья» от должности Первого секретаря ЦК КПСС и главы советского правительства. Его сменил Л.И.Брежнев.

1969. 13 апреля
В Риге у обелиска Свободы студент Илья Рипс совершил попытку саможжения (обгорели шея и рука), развернув плакат «Свободу Чехословакии». Он был арестован и отправлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу. В 1972 г. Рипс эмигрировал в Израиль.

23 – 29 апреля
В Симферополе состоялся суд над активистом крымско-татарского движения Гомером Баевым, обвинявшимся в составлении и распространении «клеветнических» документов. Баев выступал с петициями и заявлениями от имени крымско-татарского народа с требованием о возвращении его народа в Крым. Он был одним из тех активистов движения, кто резко критиковал политику власти в отношении крымских татар и принятый незадолго до этого «реабилитационный» указ, который не решил крымско-татарскую проблему — Крым по-прежнему был закрыт для крымских татар. Баев был приговорен к 2 годам лагерей.

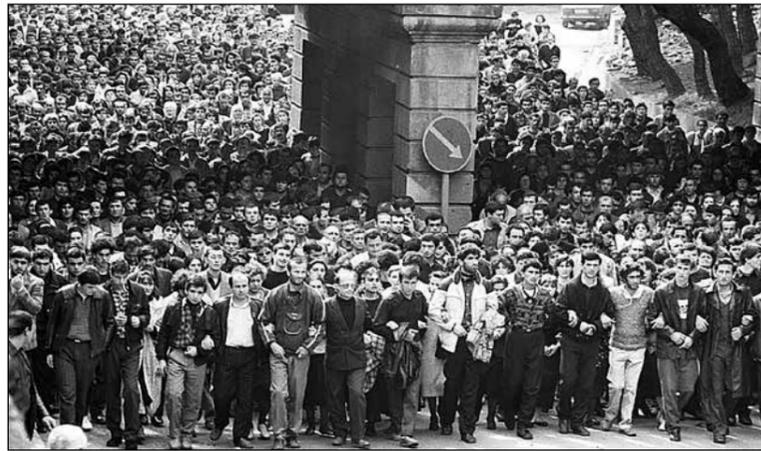
1974. 25 апреля
Ефим Эткинд, ленинградский ученый, профессор Ленинградского педагогического института им. Герцена, был уволен с работы. Ученый совет института ходатайствовал о снятии с него ученых степеней доктора и кандидата наук. В тот же день Эткинд был исключен из Союза писателей СССР. Открыто поддерживал А.И.Сол-женицына, помогал ему в работе, хранил рукописи «Архипелага ГУЛАГ», встречался и переписывался с А.Д.Сахаровым. Несколько статей и переводов Эткинда распространялись в самиздате. В 1972–1973 гг. участвовал в подготовке самиздатовского собрания сочинений Иосифа Бродского.

1979. 27 – 28 апреля
Пятеро политзаключенных, отбывавших сроки в советских лагерях, — Георгий Винс, Александр Гинзбург, Марк Дымшиц, Эдуард Кузнецов и Валентин Мороз — были без предупреждения доставлены из мест заключения и вывезены на самолете в Нью-Йорк. В аэропорту им. Кеннеди политзаключенные были обменены на советских сотрудников ООН Черняева и Энгера, осужденных за шпионаж на территории США.

1984. 4 апреля
Умер Петр Леонидович Капица — один из величайших физиков XX века. С 1921 г. по 1934 г. Капица работал в Кембридже под руководством Эрнеста Резерфорда. В 1934 г. во время гостевого визита на родину он был против воли оставлен в СССР и до 1964 г. оставался «невыездным». Капица руководил созданным им Институтом физических проблем, ставшим в 1950–1970-х гг. одним из центров независимой культурной и общественной жизни Москвы. Он постоянно обращался к руководителям СССР, начиная со Сталина, с предложениями о большей открытости советского общества, писал личные письма в защиту А.Д.Сахарова, обращался к Андропову с просьбой освободить Ирину Белгородскую, жену Вадима Делоне. Капица принимал активное участие в Пагуошском движении, выступая за

использование науки исключительно в мирных целях.

1989. 9 апреля
«Кровавое воскресенье» в Тбилиси. В этот день внутренние войска МВД СССР и Советской армии разогнали многодневный оппозиционный митинг с требованием выхода Грузии из СССР, что привело к гибели 19 человек, 16 из них — женщины. Тбилисские события повлекли за собой резкое усиление центробежных тенденций в национальных республиках и ускорили распад СССР. Разгон митинга стал переломным моментом, и ровно через 2 года, 9 апреля 1991 г., лидер национального движения Звиад Гамсахурдиа, будущий президент Грузии, объявил о восстановлении независимости Грузии.

1994. 26 апреля
Вышел указ президента РФ «О восстановлении справедливости в отношении репрессированных в 1920–1930-е гг. представителей Якутского народа», который снял обвинения по делу так называемой Младоякутской национальной советской социалистической партии середнячко-бедняцкого крестьянства конфедералистов и прекратил политическое осуждение целого народа.

1929. 24 мая
ОГПУ опубликовало коммюнике о расстреле (без суда, по постановлению коллегии ОГПУ) инженеров П.И.Пальчинского, Н.К. фон Мекка и А.Ф.Величко. Они обвинялись во «вредительстве» в золотоплатиновой промышленности. П.И.Пальчинский — видный общественный деятель, крупнейший русский инженер, профессор Горного института, председатель Российского технического общества, бывший анархист. Подвергался арестам в 1917 г., 1918 г., 1922 г. и 1928 г. Во время высылки видных представителей интеллигенции в 1922 г. отказался покинуть страну.

1934. 27 мая
ЦИК СССР выпустил Постановление об амнистии части раскулаченных крестьян, в соответствии с которым кулаки-спецпоселенцы (более 1,8 млн человек), ранее лишенные ряда гражданских прав, например на выезд из спецпоселка, восстанавливались в них в индивидуальном порядке. Большинство раскулаченных оставались в ссылке еще 20 лет — до смерти Сталина.

1939. 3 мая
М.М.Литвинов был снят с должности народного комиссара иностранных дел СССР. Этот пост по совместительству занял глава советского правительства В.М.Молотов. Отстранение Литвинова, приверженца антифашистской политики и еврея по национальности, было небезосновательно расценено Гитлером как сигнал решительного

поворота во внешнеполитическом курсе СССР. Начались секретные контакты между Советским Союзом и Германией.

1944. 11, 23 мая
Государственный комитет обороны СССР выпустил постановление о поголовном выселении крымских татар из Крыма в Узбекскую ССР по обвинению в измене Родине в период оккупации Крыма гитлеровцами и об упразднении Крымской АССР. За 2 дня была выселена 191 тысяча человек.

1949. 23 мая
Советские оккупационные войска прекратили блокаду Западного Берлина, продолжавшуюся почти год. Летом 1948 г. командование советской военной администрации

в Германии объявило о том, что железнодорожное и автомобильное сообщение между Западным Берлином, где находились войска США, Великобритании и Франции, и Западной Германией прекращается «ввиду ремонта путей сообщения». Это было попыткой вынудить власти западных держав путем блокады Берлина принять советские требования по управлению городом и поставить его под свой контроль. Однако правительства США, Англии и Франции поддерживали население Берлина и блокированные в городе гарнизоны с помощью воздушного моста. Попытка Сталина и советского режима быстро «решить проблему» капиталистического города, расположенного в центре государства, строящего социализм, провалилась. Берлинский кризис резко ухудшил общественное мнение об СССР в западных странах и ускорил объединение земель западной зоны оккупации в Федеративную Республику Германию (ФРГ), которое состоялось в мае 1949 г. Западный Берлин стал автономным самоуправляемым городом.

1954. 16 мая
Началось крупнейшее в истории ГУЛАГа кенгирское восстание заключенных. В течение 40 дней (до 25 июня) заключенные 3-го отделения Особого Степного лагеря, расположенного в Казахстане, удерживали власть в зоне. После смерти Сталина у заключенных появилась надежда, что новые власти в Москве облегчат тяжелую лагерную жизнь. Но легче не становилось. В конце концов недовольство заключенных вылилось в открытый мятеж. Восставшие не только бастовали, но и взяли лагерь под свой контроль, требуя от администрации соблюдения их прав и наказания виновных в незаконных расстрелах. Восстание было подавлено с применением военной силы. По свидетельствам участников событий, погибли сотни человек,

однако официальные документы ГУЛАГа говорят о 46 погибших в момент подавления восстания.

1959. 14 мая
Московский городской суд осудил группу молодых рабочих и студентов из Подмосковья. Ю.Т.Машков, А.Н.Богачев, Н.Н.Григалашвили, Н.В.Бацулло, В.Е.Цехмистер и В.В.Попов создали подпольную группу и пытались организовать типографию для издания антисоветских листовок. Раскаившиеся и признавшие свою вину Бацулло и Попов получили 2 и 3 года. Остальные участники группы получили максимальный срок — 7 лет.

1964. 15 мая
Московский городской суд рассмотрел дело рабочих Юрия Гримма и Абдулбари Хасянова, распространивших в Москве (ноябрь 1963 г.) около 500 листовок с критикой Хрущева и требованием его смещения. Гримм был признан невменяемым и направлен на принудительное лечение в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу, Хасянов приговорен к 4 годам лагерей.

1969. 20 мая
В Москве было объявлено о создании Инициативной группы по защите прав человека в СССР. В нее вошли Генрих Алтунян, Владимир Борисов, Татьяна Великанова, Наталья Горбаневская, Мустафа Джемилев, Сергей Ковалев, Виктор Красин, Александр Лавут, Анатолий Левитин (Краснов), Юрий Мальцев, Леонид Плющ, Григорий Подъяпольский, Татьяна Ходорович, Петр Якир, Анатолий Якобсон. Был обнародован первый документ группы — письмо в Комиссию ООН по правам человека с просьбой рассмотреть вопрос о нарушении в Советском Союзе права иметь и распространять независимые убеждения. Деятельность группы продолжалась более 7 лет, большинство ее членов были арестованы или принуждены к эмиграции.

1979. 15–16 мая
Москворецкий районный суд города Москвы по надуманному уголовному обвинению в хищении библиотечных книг приговорил к 5 годам ссылки Владимира Ильича Сквирского. Геолог, правозащитник, коллекционер магнитиздата, он был одним из основателей Свободного межпрофессионального объединения трудящихся.

1989. 21, 25 мая
Первый грандиозный митинг оппозиции прошел в Москве. В нем приняли участие около 200 тысяч человек, в том числе академик А.Д.Сахаров и Б.Н.Ельцин, избранные народными депутатами СССР. Открылся I Съезд народных депутатов СССР. Его заседания транслировались по телевидению в прямом эфире.

1999. 19 мая
Депутаты Государственной думы предприняли попытку начать процедуру импичмента президента Б.Н.Ельцина. Для начала импичмента не хватило нескольких десятков голосов. Одним из пяти обвинений против него было развязывание и ведение первой чеченской войны. По данным ПЦ «Мемориал», потери боевиков составляют около 2700 человек убитыми, а число потерь мирного населения — до 30–40 тысяч человек.

На снимке: Похороны погибших в Тбилиси 9 апреля 1989 года вылились неделю спустя в массовую демонстрацию.

Фото из архива ТАСС

Учредитель:
Международная общественная организация
«Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»*
* Внесен в реестр иностранных агентов, оспаривает это решение в судах
Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:
129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12

Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
E-mail: 30october@ccknot.info
В подготовке номера участвовали Я.З.Рачинский, А.А.Макаров

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Н.В.Савельичева
Литературный редактор Ф.В.Шведовский
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна
Газета «30 октября» № 149 от 30.04.2019 г. (апрель – май 2019). Время подписания в печать: установленное по графику – 10.00, фактическое 10.00.
Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно

